

Игорь Журавлев

# МЕТАНОЙЯ

Творец реальностей - 2

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Игорь Журавлев

**Метанойя**

«Автор»

2020

## **Журавлев И.**

Метанойя / И. Журавлев — «Автор», 2020

1986 - 87гг. Полковник Николай Немирович и майор Наталья Норикова расследуют очень странное преступление, которое не кажется преступлением. В ходе следствия они выходят на след ведьмы и ее хозяина, за спиной которого маячит тень Падшего. А тут еще развал СССР 1 января 1987 года, убийство первого президента и покушение на второго! Книга «Метанойя» является второй книгой серии «Творец реальностей» и продолжением романа «Перестройка 2.0». Содержит нецензурную брань.

© Журавлев И., 2020

© Автор, 2020

# Содержание

Пролог I	6
Пролог II	7
Часть I	9
Глава I	10
Глава II	16
Глава III	22
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	41
Глава VII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

# **Игорь Журавлев**

## **Метанойя**

*Все совпадения с историческими лицами нашей реальности являются совершенно случайными.*

## Пролог I

«И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана» (Библия, Книга Иова, 1:6)

Жгучее солнце Палестины давно перевалило свой пик, жара стала спадать. Люди выби-  
рались из-под глиняных крыш своих небольших домиков, и спешили по делам. Сын Человече-  
ский сидел на песке и что-то писал пальцем в пыли. Написанное тут же исчезало. Поэтому, как  
Падший ни старался прочитать написанное, у него ничего не получалось. Но прервать Сына  
Человеческого, напомнить о себе, Падший не решался. К тому же, это не имело никакого зна-  
чения. Он никуда не спешил. Да и куда спешить тому, для кого столетия – как день? Время  
для такого существования – это такое понятие, которое он редко учитывает в своих планах.

Наконец, Мессия поднял голову и сказал:

– Я не понимаю тебя. Ты сам этого захотел, молил Меня о разрешении, придумав заслу-  
жить этим Мою милость, хотя не мог не знать, что Я не осуждаю тебя. Или, может быть, ты  
считаешь, что Я чего-то не знаю?

Сын Человеческий простодушно улыбнулся.

– Ты знаешь, Всеведущий, что я не мог так подумать. Нет ничего такого, что Ты мог бы  
не знать. Будущее перед Тобой как день вчерашний, когда он прошел.

– Тогда иди, я разрешаю. Но помни границы, для тебя установленные. Перейдешь их –  
исчезнешь навсегда.

– Я помню, Всемогущий, и благодарю.

Падший исчез, а Сын Человеческий так и продолжал сидеть на песке, которому не было  
ни конца, ни края, и все так же простодушно улыбался, с любовью глядя на людей, суетящихся  
подобно муравьям, спешащим по своим делам, которые так важны для них. Он понимал их  
лучше всех: у них так мало времени, жизнь их так коротка! Она подобна осеннему листку,  
который еще держится на ветке дерева, но даже самое малое дуновение робкого ветерка, сорвет  
его, оборвет ставшее привычным существование и унесет в неведомые для него дали.

## Пролог II

1986 год

В дверь звонили и звонили. Ну, что ты будешь делать! Пришлось Варваре Семеновне, кряхтя (годы!) и ругаясь, вылезать из ванной, где она так хорошо пригрелась в водичке с настоем целительных трав, очень полезных для ее вечно ноющего позвоночника.

– Иду, иду! – крикнула она, накручивая на волосы полотенце и с трудом надевая халат на мокрое тело. И припрется же кто-то, как назло, в самое неудачное время! Чтоб его демоны утащили в свои вонючие норы!

Подойдя, наконец, к двери и глянув в глазок, она опять разразилась самой грязной руганью, но открыла. Этому попробуй не открой!

В квартиру вошел средних лет мужчина, одетый неброско, но дорого. Для тех, кто понимает, конечно.

– Здравствуй, Варвара! – приветствовал он хозяйку.

– И тебе не хворать. Зачем приперся? Я же говорила, что больше не работаю. Что же ты никак не можешь в покое меня оставить, ирод окаянный!

– Ну, хватит уже, а то язык отрежу, – добродушно ответил гость. Но его добродушие не обмануло Варвару, слишком давно и слишком хорошо она знала пришедшего. А потому она тут же заткнулась.

– Может, чаем напоишь гостя? Твоим знаменитым, с травками, а?

– Ну, проходи на кухню, раз уж ты здесь.

Через некоторое время, сидя на табуретке за кухонным столом и прихлебывая настоянный на травах чай, незнакомец, глядя Варваре Семеновне в глаза, сказал:

– Хочешь ты или не хочешь, но придется тебе поработать, старая. Еще один раз.

Варвара Семеновна, между тем, старой совсем не выглядела. Женщина, на вид, лет сорока пяти, из тех, про которых говорят, что «ягодка опять». Другими словами, выглядела она совсем неплохо. Можно даже сказать, что очень хорошо. Но почему-то на «старую» не обиделась. Да ведь и как обижаться, если, между нами говоря, по факту ей уже за сотню лет перевалило? Она хмурилась, показательно громко гремела посудой, но, понимая, что никуда не денешься, еще раз громко вздохнув, ответила:

– Что нужно делать?

– Работа по специальности, – улыбнулся незнакомец, – есть такой подполковник МВД, а по факту уже практически полковник КГБ. Зовут Николай Вениаминович Немирович, мужчина тридцати девяти лет. Приворожишь, влюбишь в себя, будешь жить с ним. Я должен знать всё, что знает он, в связи с тем расследованием, которое поручат ему при переводе из МВД в Следственный отдел КГБ. Вот его фото, вот адрес и телефон – домашний и рабочий. В пакетике тряпица с каплей его крови. Все поняла? А уж у него от тебя секретов не будет, я же тебя знаю, ты профессионал! – добавил он немного лестно. – Кстати, как изюминка для тебя – он девственник.

– Это в тридцать-то девять лет?

– Представь себе!

– Наверное, страшный и вонючий? Или алкаш?

– Ничего подобного, вполне нормальный мужчина. Очень даже симпатичный – высокий, светловолосый. Просто скромный он очень и вас, женщин, боится. Правильно, кстати, делает! Что еще раз показывает, что человек он умный. Глупец всегда падок на женские ловушки. Но уж от тебя-то он не уйдет, с твоим-то опытом да умениями!

– Ладно, ладно, поняла. Посмотрим на это диво. И что потом?

– А что хочешь. Когда клиент будет не нужен. Кто его знает, может, у вас любовь наладится, семья, детки и всё такое. А, кошка зеленоглазая? – загоготал гость.

Варвара Семеновна только презрительно фыркнула. Ну, ведьма, она ведьма и есть.

– Что мне за это будет?

– Свобода.

– Обманешь, поди?

– Клянусь!

– Эх, клятвам твоим веры, конечно, нет, но... ладно, сделаю, поверю тебе еще раз.

## Часть I

Метанойя (др.-греч. Μετάνοια) – «перемена ума», «перемена мысли», «переосмысление» – термин, обозначающий перемену в восприятии фактов или явлений, обычно сопровождаемую сожалением; раскаянием. В христианской традиции имеет значение покаяния.

## Глава I

*Декабрь 1983 года*

Рабочий день Николая Вениаминовича Немировича подходил к концу, когда ему доложили, что его добивается увидеть немолодая женщина по какому-то очень срочному делу. Честно говоря, он уже очень сильно устал, поскольку день был напряженный. Впрочем, как почти все дни после того, как его перевели во вновь созданный отдел МУРа. Он поморщился, но отказать женщине не смог. Он вообще был очень стеснительным в отношении женского пола. Это была одна из причин того, что он до сих пор не женился. Вторая причина заключалась в том, что, как говорили его коллеги, он был «женат на работе», которая и правда занимала все его время и все его мысли.

– Хорошо, пустите ее.

Женщина буквально ворвалась в кабинет и даже не здороваясь, прошла прямо к столу Немировича и положила на него обычную картонную папку с тесемками. Было видно, что она очень взволнована.

– Здравствуйте! – обратился к ней Николай, – что в этой папке?

– А вот вы возьмите, да сами и посмотрите! – как-то театрально воскликнула странная посетительница.

Самое обидное, что хваленая Колина интуиция в тот момент даже не шелохнулась. А ведь именно она помогла ему войти в число лучших сыщиков МВД СССР! А тут – никаких предчувствий, лишь недоумение и капелька любопытства. А ведь должен, просто обязан был он ожидать нечто подобное! Более того, и ждал ведь, ждал этого все последние дни! Но всё верно рассчитали чекисты, съевшие все зубы на подобных подставах – конец рабочего дня, естественная усталость и расслабленность, желание быстрее всё закончить, внимание распродоточено, все мысли о доме. Поэтому, Николай без сомнений положил папку перед собой, развязал тесемки и уставился на купюры, достоинством в пятьдесят и сто рублей. И все еще можно было исправить, не дотронься он до этих денег, закрой папку и с возмущением кинь ее на пол, к ногам женщины. Мало ли какие сумасшедшие в милицию приходят!

Но, как говорится, если уж начал тупить с самого начала, то так быстро это не проходит.

– Это что еще такое? – опять совершенно глупо воскликнул он.

И тут женщина быстро подскочила к столу, схватила пачку денег и как-то очень ловко всунула её ему в руку, быстро шепча: «Это вам, это всё вам». Николай Вениаминович глупо уставился на деньги в своей руке. И в этот момент распахнулась дверь, и комната наполнилась людьми в штатском.

Немирович не был дураком, иначе не стал бы подполковником милиции в 35 лет, ровно полгода назад. Поэтому, он понял все сразу и даже не попытался сопротивляться, лишь устало откинулся на спинку кресла. «Вот и до меня дело дошло», – как-то странно спокойно подумал он, – «всё лучше, чем эта изнуряющая неопределенность последних месяцев». Он не торопясь кинул пачку денег в папку, к остальным, прекрасно понимая, что на ней его отпечатки пальцев. Да и сами купюры, наверняка обработаны специальным составом.

Старший группы предъявил ему удостоверение капитана КГБ Охрименко и попросил сказать, что это за деньги у него на столе.

– Понятия не имею, – ответил Коля, – вот женщина принесла и всунула мне в руку зачем-то. У нее и спрашивайте.

А сам подумал: хорошо еще, что это советские деньги, а то могли бы вдобавок валютную статью пришить.

Охрименко кивнул, повернулся и спокойно произнес:

– Понятые, прошу вас подойти поближе. Сейчас в вашем присутствии мы осмотрим и пересчитаем деньги, которые находятся в папке на столе подполковника милиции Немировича.

И когда двое сотрудников МУРа с хмурыми лицами и тоской в глазах (они же все понимали) подошли к столу, представление продолжилось по всем правилам.

– Сколько здесь денег, гражданин Немирович? – спросил Охрименко.

Немирович лишь безразлично пожал плечами:

– Это вы мне скажите. Вам, наверное, лучше знать.

Он испытывал какое-то странное чувство, как будто он зритель, присутствующий на постановке старого, миллион раз виденного спектакля. Режиссура отвратительная, актеры бездарные, но билет куплен, а зал покинуть нельзя.

Первым делом сняли отпечатки пальцев с той пачки, что держал в руке Николай Вениаминович. Потом деньги при свидетелях пересчитали, их оказалось ровно 10 тысяч рублей.

«Плохо» – констатировал про себя Николай, – «взятка в особо крупных размерах, могут и расстрелять».

Составили протокол, понятые расписались. Опросили женщину, которая несла какую-то чушь о том, что Немирович потребовал от нее взятку за развал дела ее любимого сыночка и тому подобное.

А Немирович думал, глядя на нее: «Подсадная из сексотов КГБ или действительно бедной женщине пообещали отпустить сына, если она сыграет это спектакль? Впрочем, какая мне теперь разница?».

Когда его вели по коридору, многие выглядывали из кабинетов, но молчали. И лишь Мишка Старостин, старый и верный друг, попытался как-то подбодрить его – типа, разберутся, но и он говорил это слишком уж неуверенно. Было видно, что на самом деле в справедливое разбирательство он не верит.

Во дворе посадили на заднее сиденье черной «Волги» меж двумя гб-шниками и привезли в следственное управление КГБ СССР, что располагалось на улице Энергетической, 3-а. Трехэтажное здание Следственного управления соединялось с четырехэтажным зданием СИЗО<sup>1</sup> «Лефортово» (ул. Лефортовский Вал, 5).

Немировича долго вели по длинным коридорам второго этажа. Наконец, дошли до места назначения. Неприметная дверь с каким-то номером, открылась и его завели в кабинет. Самый обычный, ничем не примечательный казенный кабинет, каких Николай за свою службу видел множество. Слева шкаф, в углу – сейф, а прямо стол, за которым сидел мужчина в штатском и что-то писал. Он поднял голову и предложил Немировичу присаживаться, а сопровождающих отпустил.

Николай присел на стул возле стола, на котором высилась гора папок, и стал молча ждать. Как будут развиваться события, он себе примерно представлял, а потому и не кричал, не оправдывался, не требовал. Просто знал, что все это бесполезно и ни к чему совершенно не приведет. Как говорят: пустые хлопоты. Так зачем же нервы себе и другим портить? Сами все скажут и расскажут. Если захотят. А не захотят, так он своими требованиями все равно ничего не добьется.

Наконец, человек за столом закончил все свои дела и обратился к Николаю Вениаминовичу:

– Я ваш следователь. Зовут меня Андрей Петрович Лебедев, по званию я майор госбезопасности. Ну, что, Николай Вениаминович, начнем?

Тот лишь пожал плечами. А что тут скажешь?

Майор Лебедев кивнул головой и придвинул к себе бланк допроса.

– Фамилия, имя, отчество?

---

<sup>1</sup> СИЗО – Следственный изолятор, иначе – следственная тюрьма.

- Немирович, Николай Вениаминович.
- Дата рождения?
- 24-е октября 1947 года.
- Место рождения?
- Город Москва.
- Гражданство?
- СССР.
- Образование?
- Высшее – юрфак МГУ.
- Семейное положение?
- холост.
- Место работы?
- Московский уголовный розыск, управление БХСС<sup>2</sup>.
- Наличие судимости?
- Не судим.

Ну и так далее. Николаю хорошо была знакома эта процедура. Не счесть, сколько раз он сам заполнял подобные бланки. Правда, сидя с другой стороны стола.

После чего следователь задал ему вопросы о предполагаемой взятке. И, не ожидая ничего другого, спокойно записать его отрицательные ответы. Предъявил ему постановление об аресте на два месяца, подписанное прокурором. Это был обычный срок, который давали следствию на раскрытие дела и подготовки материалов в суд. Если времени не хватало, то продлевали. Но вообще начальство требовало соблюдать сроки. Поэтому, Немирович молча расписался и, вместе с вызванным конвоиром, отправился в камеру.

И вновь шли по коридорам, но, как понял Николай, теперь с общим направлением вниз. Прошли по переходу и оказались в «Лефортово» – следственной тюрьме КГБ. Там его приняли, отобрали брючный ремень и шнурки от ботинок, сняли отпечатки пальцев, заполнили еще один формуляр с похожими вопросами и, нагрузив матрасом, подушкой, одеялом, парой простыней и наволочкой, наконец, провели в камеру.

Коля много видел камер и в ИВС<sup>3</sup>, и в СИЗО. Эта все же отличалась в лучшую сторону. Она была довольно чистая, и, что сейчас для него более важно – одиночная. Нужно было подумать, не отвлекаясь на посторонние разговоры. Он бросил матрас на лежак и сам завалился сверху. Подумать было о чем.

\* \* \*

Как уже было сказано, ареста этого он ждал давно, видя, как постепенно тает их элитная группа, созданная год назад всемогущим тогда министром МВД, другом самого Брежнева, Николаем Анисимовичем Щелоковым. Лучших сыщиков МУРа, одного за другим либо увольняли по надуманным предлогам, либо арестовывали по так же надуманным обвинениям. А ведь как хорошо всё начиналось!

В июне 1982 года в Главном управлении БХСС по приказу Щёлокова была создана оперативно-розыскная часть, ядро которой составила группа из семи элитных следователей, действующих по прямым поручениям министра. Одним из этих следователей и стал тогда еще майор Немирович. В то время посвященные уже хорошо понимали, что власть во многих регионах СССР срывается с организованной преступностью. Вслух говорить об этом было нельзя, но те, кому надо, знали. Например, когда они накрыли в Шамхорском районе Азербайджана

---

<sup>2</sup> БХСС – управление по борьбе с хищениями социалистической собственности.

<sup>3</sup> ИВС – изолятор временного содержания.

два липовых колхоза – со всеми реквизитами, печатями, оборотами, штатной численностью, то оказалось, что одним из них руководил Герой Социалистического труда, другим – кавалер ордена Ленина. Немирович тогда спросил второго: за что ему дали орден? Он по-простецки ответил: «На Звезду Героя денег не хватило!»<sup>4</sup>. Они раскрутили это дело, и было очевидно, что нити тянутся к самому главе республики Гейдару Алиеву.

Всю доказательную базу они передали по инстанции, но липовые колхозы с липовыми героями и орденосцами так и остались на месте, а Алиеву еще и орден какой-то вручили.

И подобное происходило то и дело. И если до этого Немирович только догадывался, предполагал, то после всего увиденного ему стало совершенно очевидно, насколько прогнила вся советская система. Насколько громкие лозунги не соответствуют, а порой и прямо противоречат реальному положению дел в государстве. И еще тогда он стал задумываться о том, сколько еще может продлиться такое положение дел? Конечно, на самом деле он не верил, что Советского Союза не станет, причем, в самые ближайшие годы, но все чаще мысли о том, что такое положение долго не просуществует, в голову ему закрадывались.

Государства существуют до тех пор, пока людей, его населяющих, или все устраивает, то есть – недостатки, конечно, есть, но в целом все совсем неплохо, либо, когда плохо, но большое количество людей в стране объединяет некая идея, ради которой они готовы терпеть неудобства, представляющиеся им как временные, ради светлого будущего своих детей и внуков.

В СССР к началу восьмидесятых не было уже ни того, ни другого. Жить было можно, но все больше было недовольных повальным дефицитом, уровнем жизни, условиями жизни, а вот идеи, ради которой все это хотелось бы терпеть, уже не существовало. Вернее так: она существовала, но в нее уже практически никто не верил. А это значит, что в полном соответствии с учением классиков марксизма, в государстве все явственнее складывалась предреволюционная ситуация, когда «низы» уже не хотят терпеть сложившееся положение, а «верхи» не могут ничего изменить – нет ни сил, ни средств, ни желания. Ведь «верхи» живут совсем не так, как «низы», зачем им что-то менять?

Но, несмотря на это, все же много, очень много громких дел, о которых не писали в газетах, они раскрыли, а преступников посадили. И когда в конце 1982 года на место почившего Брежнева пришел бывший Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, то логично было бы предположить, что такой ярый борец с коррупцией только поддержит их группу. Но все случилось ровно наоборот. Многолетняя внутренняя борьба между МВД и КГБ, доходившая даже до убийств<sup>5</sup>, наконец, подошла к своему финалу. КГБ победил и по праву победителя приступил к разгрому и разграблению проигравшей стороны. Например, Главное управление БХСС было фактически полностью разогнано, уволили 180 человек<sup>6</sup>.

А в марте 1983 года, видимо, дошли руки и до их группы. Поэтому, сейчас тридцатипятилетний подполковник Николай Немирович, гений сыска, как его называли, сидел на нарах и думал, что он продержался дольше всех. Уже было подумал даже, что не тронут его, все же профессионалы нужны всем. А он был профессионалом экстра-класса – ни одного нераскрытого дела за всю карьеру. Но, видимо, Андропов считал, что незаменимых людей не бывает. А возможно, Андропов и не знал о нем, все же уже тогда он был очень больным человеком. Просто, запущенная ранее машина продолжала свое движение по инерции, раз уж приказа «отставить» не было. Он был вторым, кого из их антикоррупционной группы посадили. Первого, как и его, тоже по полностью сфабрикованному обвинению. Остальных просто выперли в отставку.

---

<sup>4</sup> Реальный исторический факт.

<sup>5</sup> Реальное историческое событие. Речь идет об убийстве заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора госбезопасности Вячеслава Васильевича Афанасьева сотрудниками линейного отделения милиции на станции метро «Ждановская» Московского метрополитена 26 декабря 1980 года

<sup>6</sup> Реальный исторический факт.

Николай лежал на нарах и думал о том, что обидно вот так, абсолютно ни за что, одно-моментно лишиться всего. Даже если его не расстреляют, то минимум, что ему светит – это не меньше десятки. И выйдет он в 45 лет (если выйдет) никому не нужным – ни дома, ни семьи, ни профессии. И в те годы, когда человек уже чего-то достигает, подводит какие-то итоги, ему придется начинать всю жизнь заново. А это всегда трудно, ведь вперед прёт молодежь, просто в силу возраста считающая, что мир принадлежит им, а все, кто старше тридцати, уже отжили свое и должны уступить им место под солнцем.

Было очень странно самому оказаться на нарах и, чего уж там – страшно. Ведь отныне для него закрыт весь его привычный мир, он из него выдавлен. А впереди нечто ужасное. Все, что он строил 35 лет, все, чего добился, рухнуло в один момент. Из уважаемого подполковника милиции, человека, обладающего авторитетом и властью, он превратился в бесправного зека. Он не верил в чудо – в то, что «там разберутся» и его отпустят. Слишком хорошо ему было известно, как работает эта машина. Попасть в нее легко, а выбраться практически невозможно.

И вдруг ему вспомнилась его бабушка, которой давно уже и в живых не было. Бабушка была набожной, ходила в церковь, чего очень стеснялись его партийные родители. Но тайком от них бабушка читала ему, мальчишке, Библию. И вот сейчас всплыла в голове библейская история Моисея<sup>7</sup>, которому в его долгой 120-тилетней жизни дважды приходилось начинать всё заново, с нуля – первый раз в сорок, а второй – в восемьдесят лет. И каждый раз, проходя путь заново, с нуля, он неизменно добивался успеха. Удивительно, но вытщенный памятью откуда-то из детства библейский рассказ, успокоил его и он уснул.

\* \* \*

Казалось, о нем забыли. Прошло два месяца. Трижды за это время его избивали. Молча, ничего не требуя, просто вымещая на нем всю свою злость на «конкурирующую фирму». Особенно вызверивался один – маленького росточка младший сержантик. Почему именно он, Николай не знал. Возможно, это просто комплекс неполноценности в нем так проявлялся. Дескать, вот я, хотя и маленький ростом, хотя и всего младший сержант, но имею власть избивать высокого и симпатичного целого подполковника! Кажется, это называется «Комплекс Наполеона», такой своеобразный набор психологических особенностей, свойственных людям небольшого роста, который характеризуется чрезмерно агрессивной манерой поведения, что является компенсацией недостатка роста. Николай не очень верил в эту теорию, поскольку знал добрых и не имеющих никаких подобных комплексов людей небольшого роста. Но, возможно, сейчас он на практике столкнулся с подтверждением того, что в этой теории все же что-то есть.

После избияния так же молча уходили. Каждый раз разные люди, но всегда с ними был этот маленький младший сержант, которого Немирович про себя называл «Наполеоном». А потом вновь тянулись однотипные дни.

Наконец, о нем вспомнили. Вызвали на допрос, где сразу, ни о чем не спрашивая, дали ознакомиться с обвинительным заключением. Николай прочитал, горько усмехнулся и спросил следователя:

– Сами придумали или сверху спустили?

На что следователь спокойно ответил:

– Гражданин Немирович, подписывать будете?

Николай, конечно, знал, что отказываться от подписи совершенно бессмысленно. Здесь все продумано давно, есть соответствующие инструкции. Он и сам не раз так поступал. Просто

---

<sup>7</sup> Моисей в Библии – еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма, организовал исход евреев из египетского рабства, сплотил израильские колена в единый народ. Является самым важным пророком в иудаизме и одним из самых важных в христианстве и исламе.

в этом случае приглашаются два свидетеля, в присутствии которых следователь пишет в обвинительном заключении: «Обвиняемый с обвинительным заключением ознакомился, от подписи отказался». Что и заверяется подписями двух свидетелей. Для суда этого вполне достаточно.

Поэтому, он взял ручку и написал: «С обвинительным заключением ознакомился. С выводами следствия не согласен. Свою вину в инкриминируемом мне преступлении отрицаю». Число, подпись. Конечно, он знал и то, что и эта его надпись не имеет никакого значения. Мало ли, кто с чем не согласен, особенно обвиняемый! Обвиняемому вообще положено быть не согласным. Поэтому его мнение не имеет никакого значения, главное, что он с заключением ознакомился, чего требовал закон.

Однако Немирович знал и другое: если что-то в верхах изменится, и его дело направят на пересмотр, то в этом и только в этом конкретном случае, его письменное несогласие будет иметь очень большое значение. Поскольку, если человек сам согласился с обвинением, то нет и причины для пересмотра дела. Шанс, безусловно, был мизерный, призрачный, но не таков был Николай Вениаминович, чтобы не воспользоваться даже таким шансом. Просто на всякий случай.

А потом все покатило по накатанной дорожке. Суд, учитывая хорошие характеристики, отсутствие судимостей и т.д., дал ему десять лет, как он и предполагал. И поехал он в «ментовскую зону» под Нижний Тагил. Где и просидел весь срок, как говорится – от звонка до звонка. Было ли трудно? – Да по-всякому было. Поначалу, конечно, пришлось привыкать, но люди – везде люди, а человек привыкает ко всему. Свыкся и он. Оказалось, что не так страшен черт, как его малюют. Жить можно. Появились друзья, какие-то дела, какие-то праздники, свои заботы и радости. Все как у всех, только теперь свобода его ограничивалась несколькими рядами колючей проволоки с вышками по периметру. А на вышках стояли солдаты внутренних войск с автоматами.

Вышел он на волю в декабре 1993-го, и попал совсем в другую страну. Вроде бы, еще крепкий сорокапятiletний мужик, но ничего не понимающий в новой жизни, которую до этого видел только по телевизору, установленному в бараке. В милицию, естественно, не взяли. Сунулся туда – сюда, но оказался никому не нужен. Поболтался, да и устроился грузчиком в магазин, там хоть что-то платили, да и едой можно было разжиться. И началась новая жизнь.

## Глава II

*Июнь 1994 года.*

Работа грузчиком оказалась, на удивление выгодным делом. Платили так себе, но всегда есть возможность подработать, а потому без денег он не ходил. Немного приоделся, прикупил кое-что по хозяйству. К тому же, в отличие от других своих коллег по ремеслу Николай вообще не употреблял спиртного. По крайней мере, на работе, а дома если и выпивал, то очень умеренно. Что не прошло без внимания от начальства. Ему стали доверять, иногда ставить за прилавков, если продавщицам нужно было зачем-то отойти. Это тоже сказалось на материальном положении в лучшую сторону.

Кроме этого был еще бонус. Работникам магазина продавали товар по более низкой цене, хотя, конечно, и не по себестоимости. Никто себе в убыток торговать не будет. Но цены была настолько завышены, что сбросив даже наполовину ценник для своих работников, хозяин все равно оставался с неплохой прибылью.

В общем, Немирович на жизнь не жаловался и даже подумывал о том, а не открыть ли ему собственный бизнес? Варианты были, но было боязно. Все же, глядя на тот беспредел, что творился в стране, он понимал, что быть бизнесменом сейчас хоть и выгодно, но опасно. Причем, порой смертельно опасно. И все же, он почти решился. Ему ли бояться опасностей? К тому же, завотделом в магазине, которой явно приглянулся крепкий и непьющий грузчик, обещала, если что, помочь.

Сегодня денек выдался тяжелый, пришлось разгружать несколько машин, а потом еще растаскивать товар по отделам. Николай сидел в подвале магазина и, привалившись к мешкам с сахаром, дремал. Ему опять снилась зона. За все время, что он уже пробыл на свободе, во всех своих снах он всегда видел только зону и никогда – волю. Странно, будучи в заключении, во снах к нему, наоборот, всегда приходила только свобода. Вот и сейчас он снова был там, где провел целых десять лет своей жизни.

Вдруг наверху послышался какой-то шум и выстрелы. Он проснулся сразу и первой мыслью, как обычно стало: слава Богу, это был только сон! Но наверху явно что-то происходило. И явно что-то плохое. Здравый смысл подсказывал ему, что не надо туда соваться, не его это дело. Лучше, наоборот, спрятаться подальше или вообще через задний ход дать деру из магазина. Это было бы вообще самым разумным вариантом. Но проклятое любопытство победило.

Он поднялся наверх и увидел обычную для последнего времени в его стране картину – на магазин наехали бандиты. Их было пятеро, все с бритыми головами, в черных кожаных куртках и широких штанах – бандитская униформа. Хозяин магазина стоял бледный. Будешь тут бледным, если тебе стволом в зубы тычут.

– Значит, так, – вещал старший бандос, ухватив хозяина за воротник рубашки, – будешь отстегивать нам штуку баксов ежемесячно. Отныне мы твоя крыша. За это мы тебя будем защищать. Понял, барыга?

– Понял, – обреченно отвечал хозяин, даже не пытаясь спорить. Понимая, что именно сейчас это совершенно бесполезно. Сейчас лучше соглашаться со всем, а уж потом можно будет что-то попытаться сделать, подняв свои связи в бандитском мире. Пусть бандиты сами друг с другом разбираются.

– Ну, раз понял, значит, молоток. Давай, тащи бабки.

– Но у меня сейчас нет таких денег. Приходите завтра, я постараюсь собрать. Товар еще не реализован...

– Короче, – перебил его старшой, – даю тебе два часа. Если не будет бабок, магазин твой сожжем. Я понятно выражаюсь?

– Хорошо, я понял, через два часа деньги будут! – испуганно бубнил всегда такой важный хозяин магазина. Всегда, но не в этот раз.

Николай стоял, прислонившись плечом к косяку двери, ведущей в подвал, и молча наблюдал. А что? Всяко, развлечение. Раз уж в данной ситуации от него ничего не зависело. И к беде своей, увлеченный зрелищем, не обращал никакого внимания на то, что один из бандитов уже давно внимательно присматривается к нему.

Но когда уже вся кодла собралась на выход, тот вдруг крикнул:

– погоди, братва! Кажись, я кой-кого знакомого встретил. – И, показывая пальцем на Немировича, процедил:

– Гадом буду, пацаны, это мент, следак, он меня еще по малолетке на трояк в 82-м упрятал, падла.

Конечно, Николаю надо было бежать, шанс был – вниз, в подвал, через черный ход, а там дворами. Но он его упустил, потому что ноги будто прилипли к полу.

Вся компания остановилась и уставилась на Немировича.

– Чё, и правда, мент? Эй, урод, чего молчишь? Ты мент?

– Я грузчик, – тихо ответил Немирович, уже понимая, что ничего не обойдется. Бандюганам хотелось развлечения, а развлечение у них одно – избить кого-нибудь беззащитного. И он не ошибся.

Его «крестник», которого он даже не помнил (мало ли он преступников посадил!), уже подскочил к нему и с криком «Бей меня тру!» врезал ему по зубам рукояткой пистолета. Николай упал и его стали бить ногами. Подключились и остальные, которые, надо думать, тоже были обижены милицией. Какое-то время Николай старался прикрываться, но после особенно «удачного» пинка в голову, отключился.

\* \* \*

Очнулся он в больнице, под капельницей. Кто-то из соседей по палате заметил и позвал медсестру, а та позвала доктора. Пришла высокая худая женщина, и под села на стул к кровати Николая.

– Здравствуйте. Я ваш лечащий врач. Как вы себя чувствуете?

– Все болит, – прохрипел Николай и понял, что у него выбиты все передние зубы.

– Ну, милый мой, – развела руками докторша, – еще бы не болело. Скажите спасибо, что вообще живы остались.

– Так все плохо?

– Мягко говоря. Судите сами: тяжелейшее сотрясение мозга, перелом четырех ребер, отбитые почки и селезенка, выбит правый глаз, перебиты коленные чашечки ног, и что там еще внутри творится, мы пока точно не определили.

Только сейчас Николай понял, что смотрит одним глазом.

– Я останусь инвалидом?

– Не буду скрывать, – ответила докторша, скорее всего, передвигаться придется на инвалидной коляске. Это в лучшем случае, если мы не просмотрели каких-то внутренних повреждений.

У Немировича страшно болела голова и он попросил:

– Нельзя ли распорядиться, чтобы мне сделали что-то обезболивающее?

– Распорядиться-то можно, – вздохнула докторша, – да только нет у нас обезболивающих. Еле-еле хватает на операции. Но если есть деньги и кому принести, то я напишу список необходимых лекарств.

– Напишите, – прошептал Николай, хотя знал, что, скорее всего, к нему вообще никто не придет. Единственного друга, Мишку Старостина, убили в перестрелке с бандитами перед

самым его освобождением. А больше у него никого и не было. Родители погибли уже давно, еще до того, как его посадили, а жениться он так и не успел. Да и денег у него не было.

– Хорошо, – сказала врач, – список я принесу.

И вышла из палаты. А Коля лежал, смотрел в давно небеленый потолок одним глазом и жалел о том, что его не убили. Как глупо вообще все в его жизни сложилось! Такое хорошее и многообещающее начало, и такой паршивый конец. У него болело все – каждая клеточка тела, но больше всего голова. Такое впечатление, что туда засунули железный прут и ворочали им внутри. Временами он проваливался в некое подобие беспамьятства, а потом все начиналось сначала. Он очень хотел умереть, поскольку никаких перспектив своего дальнейшего существования не видел. Ни родных, ни близких, а он – колясочный инвалид в стране, в которой и до здоровых-то людей нет никакого дела никому. А если рассуждать логично, то умереть вовсе не так плохо. Больше не будет болей и проблем, больше вообще ничего не будет. А значит, и некому будет ни о чем жалеть. Николай был атеистом, он не верил в загробное существование и считал, что небытие лучше любого иного варианта. Хватит, уже настрадался он в этой жизни по горло, чтобы еще и после жизни хоть что-то продолжалось, чтобы и там ничего не закончилось. Ну их в баню со всеми своим адом и раем. Он лично никакого рая для себя не желает. Судя по описанию церковников, он там с тоски вззоет уже в первую неделю. А ад... Что ж, свой ад он уже прошел на этой земле. Поэтому, надеялся, что если даже и есть бог, то уж он-то свое право на небытие заслужил.

И вдруг, возвращаясь из очередного провала, он почувствовал, как кто-то дотронулся до его руки. Николай открыл глаз и осторожно скосил его в сторону, боясь пошевелить головой. На стуле, рядом с кроватью сидел незнакомый мужчина в накинутом на плечи белом халате. Мужчина выглядел представительно, можно даже сказать – богато. Но не так богато, как совершенно безвкусно наряжаются новоявленные российские богачи, а как выглядит привыкший к богатству какой-нибудь аристократ в сотом поколении. Был он в затемненных очках, но не солнечных, а таких, которые, по рецепту выдают. Очки тоже были дорогие, это было понятно сразу, хотя и не золотые в бриллиантах. На вид мужчине было что-то около пятидесяти – плюс, минус – лет, но выглядел он очень хорошо.

– Здравствуйте, Николай Вениаминович, – поздоровался посетитель, – меня зовут Александр Валерьевич<sup>8</sup>.

– Вы кто? – прошептал Николай, кривясь от боли, – врач?

– Не совсем, но точно я тот, кто может вам помочь. И сейчас я это докажу. Что, очень больно?

– Очень, – не стал скрывать Николай, не понимая, чего от него хочет этот человек. Может, это из милиции? Они же обязаны расследовать такие случаи, а врачи обязаны сообщать в милицию, когда привозят пострадавшего. Но милиционер бы сразу стал ксивой махать. Да и где вы видели таких аристократов в милиции?

И здесь посетитель провел рукой над его телом и этим движением изгнал боль. Совсем изгнал. И это было такое облегчение и такое наслаждение, какого Немирович еще никогда в своей жизни не испытывал.

– Как вы это сделали? – спросил он и не почувствовал боли во рту, хотя осколки зубов явно зацепили разбитые губы.

– Я заблокировал все центры боли в вашем мозге. Конечно, это не совсем научное объяснение, зато доходчивое. Да и наука здесь, откровенно говоря, совершенно ни при чем. Но, согласитесь, теперь мы можем с вами спокойно поговорить.

Николай машинально кивнул головой и замер в ужасе, ожидая приступа боли. Но боли не было. Голова была чистая и ясная.

---

<sup>8</sup> Те, кто читал роман «Перестройка», конечно, сразу узнали этого персонажа.

– Вы этот, как его, экстрасенс? – вспомнил Немирович модное сейчас слово.

Незнакомец хохотнул:

– Д-а-а, люди во все века стремились подогнать всё непонятное под понятные схемы. И добились в этом, надо сказать, впечатляющих успехов. Вот, вы сказали «экстрасенс» и, вроде, всем всё понятно. Хотя на самом деле это слово вообще ничего не объясняет. Знаете, есть у американцев такая статистика, согласно которой люди не понимают от 30 до 50 процентов вещей, о которых говорят.

– Ох, уж эти американцы, вечно что-то придумают, словно больше заняться им нечем, – ответил Николай. – Но какая-то правда в этом, конечно, есть. Я, если честно, не верю ни в экстрасенсов, ни экстрасенсам. Жулики они, на мой взгляд. Но то, что вы сейчас сделали, ничем другим объяснить пока не могу.

– Ну и ладно, пусть будет экстрасенс, – покладисто согласился Александр Валерьевич, – так, что, вы готовы к разговору?

– И о чем же будет наш разговор? – поинтересовался Николай, оглядывая взглядом палату, все кровати в которой были пусты. – А где, кстати, остальные больные?

– Я попросил их погулять полчаса, – не стал скрывать укротитель боли, – чтобы ничто не мешало нашему общению.

Немирович только хмыкнул, но не удивился:

– Вы, наверное, из конторы?

– Вы имеете в виду милицию или КГБ? Нет, что вы, я вообще не имею отношения к правоохранительным структурам. Я, так сказать, по другому ведомству служу. Но это сейчас совершенно неважно.

– А что сейчас важно? – машинально спросил Николай.

– Сейчас нам важно определиться с вашим, Николай Вениаминович, будущим.

– С ним-то, что не так? – пробурчал Немирович.

– Да всё не так, – пожал плечами «экстрасенс».

– А нельзя ли конкретнее? – отчего-то раздраженно повысил голос Немирович. Казалось бы, человек пришел, хочет что-то предложить, да и помог уже – боль снял. Вот только десять лет лагерей крепко вбили в голову Николая понимание того, что, если тебе что-то дают бесплатно, то потом обязательно сдерут три шкуры.

Но незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на его раздраженный тон и спокойно ответил:

– Можно и конкретнее. У вас перебиты обе коленные чашечки – вдрызг, их уже не соберешь. У вас отбиты все внутренности, продолжается внутреннее кровотечение, о чем ваши врачи еще не ведают. А если бы даже знали, вряд ли чем-то смогли помочь. Поскольку, если бы даже предположить чудо, и вас прямо сейчас срочно самолетом переправить куда-нибудь в Германию, где лучшие хирурги сделают вам ряд очень дорогостоящих операций, то вы все равно останетесь инвалидом на всю жизнь. Здесь же вам и это не светит. Скорее всего, к утру вы умрете. – Он задумался, внимательно взгляделся во что-то над головой Немировича, и добавил: – Примерно, часа в четыре утра.

– Ну, слава Богу, хоть одна приятная новость, – скривился Николай.

– Однако есть возможность воспользоваться вторым шансом, – как-то спокойно, но очень убедительно произнес Александр Валерьевич.

– Что это значит?

– Это значит, что вы умрете, но ваша сущность или сознание – неважно, как это называть, вернется в ваше же тело в 1986-м году.

– Извините, но не вижу в этом никакого смысла, – почему-то не удивившись самому такому предложению, но обдумав его со всех сторон, ответил Немирович, – опять тюрьма на предстоящие семь лет, а закончится всё так же, в этой кровати.

– Не торопитесь отказываться, Николай Вениаминович, я не стал бы вам предлагать просто еще раз прожить все эти годы. В этом действительно нет никакого смысла. Это было бы даже чем-то вроде издевательства. Но дело в том, что там, в прошлом, сейчас сформировалось нечто вроде оппозиции политике Перестройки, и эти люди занимают очень большие посты в государстве. Они сумели даже Горбачева переманить на свою сторону. Поэтому, у них есть большой шанс на то, что история пойдет немного иначе и Перестройка закончится с несколько другим результатом.

– Странные вещи вы говорите, – аналитический ум Николая откликнулся быстро, – прошлое – это то, что уже прошло. Перестройка случилась так, как случилась, это объективный факт. И то, что уже прошло, изменить нельзя именно потому, что оно прошло.

– Совершенно верно! – улыбнулся Александр Валерьевич, – сразу чувствуется ясность ума и безупречная логика! Но есть одно «но». Это для вас сейчас перестроечные годы – прошлое. Согласитесь, что если вы вновь там окажетесь, то прошлое станет настоящим, а настоящее – будущим. А будущее изменить можно, это не нарушает никаких законов и, более того, каждый человек для себя его постоянно меняет, – хитро усмехнулся странный собеседник.

Николай задумался.

– А что будет с тем, что сейчас? Это куда денется?

– Никуда не денется, куда может деться то, что еще даже не произошло?

– Хм. Честно говоря, вы меня запутали, и я пока не знаю, что возразить. Проще говоря, все, что случилось после 86-го года, может и не случиться? Это можно будет изменить?

– Именно! Если точнее, реализуется другой из всех возможных вариантов реальности. Если, конечно, реализуется. Всё еще очень неясно. Может по-разному повернуться. Так что, согласны? Обещаю, что вы возвратитесь прямо к своему освобождению.

– Освобождению в 86-м?

– Да. Вас освободят за отсутствием состава преступления, вернут звание, награды, восстановят в должности и т.п.

– Хм. И что дальше я должен буду делать?

– Давайте сразу договоримся, что вы никому ничего не должны. Все, что вы будете или не будете делать – это будет ваше решение.

– И все же, почему именно я? Или вы всем подряд такие предложения делаете?

– Конечно, нет. Что касается вас, я почти уверен, что после освобождения большие люди в МВД и Политбюро предложат вам возглавить расследование одного странного дела. Я бы посоветовал соглашаться. Во-первых, дело и в самом деле очень интересное. Вы ведь любите распутывать интересные дела. А, во-вторых, оно-то и сведет вас с теми людьми, которые пытаются изменить будущее положение дел в России. А там уж решайте сами, к какой стороне прикнуть. Мы никогда не лишаем людей свободы воли, это закон.

– А «вы» – это кто?

– Скажем так, мы – это третья сила, которая предпочитает в основном не вмешиваться в дела людей.

– Вы что, инопланетяне какие-то?

И Александр Валерьевич вновь расхохотался. Отсмеявшись, он произнес:

– Экстрасенсы, инопланетяне... вы опять пытаетесь втиснуть непонятное в рамки хоть каких-то стереотипов. Смотрите, Николай Вениаминович, вы ничего не теряете. К утру вы все равно умрете. Весь вопрос в том, умрете ли вы с концами или воспользуетесь вторым шансом.

– А что, Александр Валерьевич, я так там нужен?

– Умные люди, дорогой мой, нужны всегда и везде. Итак, ваше решение?

– Сейчас боль вернется? – спросил вдруг Николай.

– Боль никуда не делась, все ваше тело разрушено. Просто вы ее не чувствуете. И – нет, при любом вашем решении она не вернется. Обещаю. Это мой подарок вам.

И такой ответ склонил чашу весов.

– Я согласен, – твердо произнес Немирович, удивляясь при этом безумию самого этого разговора.

Незнакомец кивнул и приложил большой палец своей правой руки ко лбу Немировича. Перед оставшимся глазом Николая на краткий миг слово открылась бездна и появилось ощущение, что он стоит на самой грани понимания всего, вообще всего. Но миг – он потому и миг, что проходит очень быстро. Вернулась палата с давно не беленым потолком.

Александр Валерьевич встал, как-то по-старомодному поклонился и молча вышел из палаты. После чего в нее стали подтягиваться больные. А Николай Вениаминович готовился к смерти, перебирая всю свою жизнь и анализируя ее. Благо у него ничего не болело.

Утром медсестра, разносившая градусники, обнаружила его мертвое тело. Позвали дежурного врача, который констатировал смерть. И тело унесли в морг.

### Глава III

1986 год.

Те, кто ломались в дверь, осознав бесполезность криков, решили, наконец, приступить к действиям. Дверь с силой рванули, и Немирович услышал отборный мат. «Оторвали ручку, – как-то спокойно подумал Николай, – хорошо, что дверь открывается наружу». И в это время заскрежетало в замочной скважине. Он встал и выстрелил, куда-то в верхний косяк двери, стараясь ни в кого не попасть, а лишь отпугнуть.

– Предупреждаю, всем отойти от двери, иначе я буду стрелять!

За дверью все замерли от неожиданности. И вдруг, в этой тишине раздался властный голос:

– Внимание! Работает спецназ КГБ! Всем лечь на пол и вытянуть руки вперед! В случае невыполнения приказа, спецназ стреляет без предупреждения!

Голос еще раз повторил предупреждение и на площадке послышался шум и сдавленные охи. Видимо, храбрецов не нашлось, со спецназом никто тягаться не захотел. К двери кто-то подошел и тихонько постучал.

Николай Вениаминович выдохнул и стал отпирать замки<sup>9</sup>.

Открыв дверь, он увидел прямо перед собой человека, одетого в непривычную пятнистую форму, в странной каске и с маской на лице, оставляющей открытой только глаза и рот. Никаких знаков различия на погонах не было.

– Немирович, Николай Вениаминович? – спросил пятнистый.

– Это я, – ответил Николай, показывая удостоверение и глядя на распластавшихся на полу лестничной площадки своих бывших охранников и не зная, кого больше бояться – их или своих спасителей.

– У меня приказ доставить вас в безопасное место. Пожалуйста, возьмите вещи на первое время и документы. Мы должны ехать.

Немирович кивнул и быстро собрал все необходимое: смену нижнего белья, зубную щетку с пастой, бритвенный станок с помазком, деньги, документы. Еще раз окинул взглядом квартиру, подумав: «Да, недолго же я в ней пожил» и подошел к двери:

– Я готов.

Пятнистый кивнул, и они вышли на площадку. Николай запер дверь, отметив, что ручка и правда вырвана с мясом, и сунул ключ в карман.

На улице ждал новенький РАФик<sup>10</sup>, в который они и загрузились. Водитель резво рванул с места.

– Куда едем? – спросил Немирович у старшего. Хотя по внешнему виду бойцы ничем не отличались друг от друга, но этот пятнистый отдавал команды, значит, он и старший.

– В ЦСН КГБ<sup>11</sup>.

Николай откинулся на сиденье и закрыл глаза. Сегодня был очень тяжелый и очень длинный день. Он понимал, что ничего еще не закончилось, но нервы уже больше не могли выдерживать напряжения и он расслабился. А расслабившись, тут же задремал. Очнувшись лишь, когда его мягко потрясли за плечо:

– Товарищ подполковник, просыпайтесь, приехали.

---

<sup>9</sup> Полностью история освобождения из колонии Немировича и его расследования, приведшего к такому финалу – в романе «Перестройка».

<sup>10</sup> РАФ-2203 «Латвия» – микроавтобусы и специальные автомобили на их базе, серийно выпускавшиеся на заводе микроавтобусов РАФ в 1976-1997 годах. Автомобили данной модели широко использовались в качестве служебного транспорта, автомобилей скорой медицинской помощи и маршрутного такси.

<sup>11</sup> В этом варианте реальности ЦСН – Центр специального назначения КГБ СССР был создан на 12 лет раньше.

Немирович открыл глаза и, подавив зевок, выбрался из салона. Оглянулся вокруг, зафиксировал какие-то здания, проступающие из полутьмы.

– Пожалуйста, идите за мной, – позвал его один из бойцов. Интересно, что маску никто из них не снял даже сейчас.

Боец проводил Николая на второй этаж ближайшего здания, где, открыв одну из нескольких дверей в длинном коридоре, сказал:

– Здесь у нас что-то типа гостиницы, товарищ подполковник. Это ваш номер, пожалуйста, располагайтесь и ложитесь спать. Ночь на дворе, а вы наверняка устали.

– А что потом? – спросил Николай.

Боец пожал плечами:

– Это не моего ума дело, мне приказали проводить вас, я проводил.

Немирович кивнул и боец, пожелав напоследок спокойной ночи, прикрыл дверь с той стороны. Немирович ожидал, что сейчас щелкнет замок запираемой снаружи двери, но, похоже, его не заперли. Решив проверить, он приоткрыл дверь и выглянул в пустой коридор. Пожав плечами, опять закрыл дверь и запер ее изнутри на защелку.

Пройдясь, он осмотрел помещение. Это и правда, было похоже на небольшой гостиничный номер. Одна комната метров на пятнадцать – кровать, стол, два стула, шкаф с вешалками, у кровати – тумбочка с ночником, окно. Ближе к выходу – санузел с унитазом, ванной, зеркалом и полочкой под ним. На полочке – туалетное мыло в упаковке, зубная щетка в упаковке и зубная паста. Рядом вешалка с двумя полотенцами – большим, банным и поменьше, на стенке – полотенцесушитель.

Кровать манила чистым постельным бельем и через полчаса Коля уже спал. Хотел подумать, проанализировать события, но провалился в сон, едва голова коснулась подушки.

И снился ему странный сон, буквально преследующий его в последнее время. В этом сне он был грузчиком в магазине. А СССР больше не было, был капитализм и у магазина был свой хозяин. А еще были многочисленные бандиты, которые никого не боялись, но, наоборот, их боялись все, включая милицию.

\* \* \*

Утром Николай проснулся рано и позволил себе еще понежиться в кровати. Кровать была хорошая, матрас мягкий, не то, что старье у него дома. Однако вспомнив, что его могут в любой момент куда-нибудь вызвать, встал, по многолетней привычке сделал гимнастику и пошел мыться и бриться. Только он закончил процедуры и уже одевался, как в дверь деликатно постучали. Как будто видели. Хм, а может и видели...

Немирович открыл дверь, за которой оказался военный в таком же пятнистом комбинезоне, как и у вчерашних его освободителей (или захватчиков?), но у этого были нормальные погоны старшего прапорщика и он был без маски.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – козырнул прапор, – мне приказано проводить вас в столовую на завтрак.

Что ж, это было в самый раз, желудок уже напоминал о себе. А поэтому Николай, накинув пиджак, проследовал за старшим прапорщиком. По дороге тот рассказывал:

– Тут у нас личный состав в основном из офицеров и прапорщиков. Сержантов и рядовых немного, да и те все контрактники, в основном прошедшие через Афган. Поэтому отдельной офицерской столовой нет. Просто у каждого свое расписание приема пищи. Сейчас как раз время для штабных.

Они вошли в одноэтажное строение, в котором и располагалась столовая. Немирович осмотрелся. Всё очень уютно. На широких окнах занавески, столы накрыты белыми скатер-

тями, а не клеенкой. Совершенно не похоже на столовую обычной воинской части, в которых Немировичу приходилось иногда бывать по долгу службы.

– Вы, товарищ подполковник, присаживайтесь за любой стол, завтрак вам принесут. К сожалению, здесь не ресторан, что приготовили, то и едим. Но готовят у нас вкусно, – улыбнулся старший прапорщик и, откозыряв, удалился.

Столы были двух и четырехместные и больше половины из них пустовало. Остальные были заняты офицерами разных чинов. Наверное, теми самыми штабными, чье время завтрака сейчас подошло, как говорил прапор.

Николай выбрал двухместный столик у окна. На нем стояла салфетница с салфетками, и лежали столовые приборы – вилка, ложка, нож. Посредине, на специальной поставке солонка и перечница, а рядом вазочка с каким-то свежим цветочком. В цветах Николай не разбирался, но свежий, настоящий, а не пластиковый цветок все равно радовал глаз.

За окном был, такое впечатление, сосновый бор, кое-где между деревьями виднелись здания. А утреннее солнце придавало открывающемуся пейзажу дополнительный шарм.

«Да уж», – подумал он, – «красиво здесь, а столовая все же больше похожа на ресторан, по крайней мере – по обстановке». В это время подошел официант в белой курточке, из-под которой виднелись брюки все той же пятнистой униформы, заправленные в берцы. В руках он нес поднос и, поздоровавшись, поставил перед Николаем тарелку с яичницей, тарелку с овсяной кашей, в которой плавился кусок масла, тарелку с хлебом, еще одну со сливочным маслом и порезанным ломтиками сыром, завершив натюрморт вазочкой с красной икрой и стаканом чая в мельхиоровом подстаканнике. И, между прочим, в чае плавала долька лимона. Пожелав приятного аппетита, официант отбыл.

Николай Вениаминович жил один, поэтому утро его, чаще всего начиналось с бутерброда с колбасой и стакана чая. Моментально оценив сервис, он приступил к завтраку. Пока все, что происходило с ним после вчерашнего вечера ему нравилось и не вызывало тревоги. Хотя, тревога, конечно, была. Он сейчас находился в состоянии полной неизвестности, а это хуже всего.

Не успел он полностью расслабиться, как к его столику подошел Егор Соколов. Старший лейтенант госбезопасности был в штатском.

– Доброе утро, товарищ подполковник, – поздоровался он, – разрешите присоединиться?  
– Пожалуйста, – кивнул Немирович, – места здесь общие.

Пока Соколов устраивался, а подошедший официант расставлял перед ним точно такой же набор блюд, Николай тихонько рассматривал его – того, кого он назвал «Игроком». Кого долго искал, не имея ни малейшего представления о том, кто это<sup>12</sup>. Честно говоря, когда он понял, что за всеми странностями последнего времени стоит некая, никому не известная, личность, то он никак не мог предположить, что ею окажется двадцатидвухлетний пацан. Пусть даже старший лейтенант ГБ, пусть даже прошедший войну в Афгане. Двадцать два года, согласитесь, это совершенно несерьезно. Если, конечно, он не гений в своем деле. Но даже гений, родившийся в далекой провинции, в обычной семье и не имеющий никаких связей, никак не способен повернуть такое за столько короткое время. Тут требуется нечто большее, чем гениальность и везение.

– Что, Николай Вениаминович, – начал разговор Соколов, – небось, гадаете, кто же я такой на самом деле, а?

– Ну, об этом, думаю, нетрудно было догадаться, Егор Николаевич, – вежливо ответил Николай, – так кто же вы такой на самом деле?

– А, может, правильнее начать с другого вопроса: кто вы такой на самом деле? – подмигнул собеседник.

---

<sup>12</sup> Эта история описана в романе «Перестройка».

– Кто такой я, мне известно.

– А вот я уверен, что не совсем, – и старлей уставился Немировичу в глаза.

Тот попытался выдержать взгляд и... вдруг провалился в черную воронку, возникшую на месте глаз Соколова. А еще через мгновение опять ощутил себя сидящим за столом в той же самой столовой. Но теперь он стал немного другим. Потому что он вспомнил.

Вспомнил десять лет, отсиженные в лагере под Нижним Тагилом. Вспомнил развал СССР, свое освобождение, когда он вдруг оказался в чужой и незнакомой стране. Вспомнил разруху, царившую на улицах и в умах людей. Свою работу грузчиком в магазине и встречу с бандитами, закончившуюся больничной палатой и, в конце концов, смертью. Вспомнил странного Александра Валерьевича, убравшего боль и сделавшего ему невероятное предложение. В общем, он вспомнил всю свою прежнюю жизнь вплоть до самой смерти.

– Глядя на ошеломленное выражение вашего лица, товарищ подполковник, я понимаю, что вы все вспомнили? – осведомился Соколов.

– Так это был не сон, – пробормотал Николай. Он и правда, был совершенно ошеломлен – как он мог забыть все это?

– Не сон, – подтвердил старший лейтенант, – мы в этом с вами коллеги. В некотором смысле, конечно.

– В каком смысле? – вскинулся Немирович.

– Я тоже оттуда. Только прожил там дольше вас. Правда, я и младше вас на пятнадцать лет. С другой стороны, если учитывать, что вы умерли в возрасте сорока пяти лет, то я старше вас на 11 лет. Просто, там я умер в 2020 году в пятидесятишестилетнем возрасте. Такие вот загадки хронологии.

Николай ни на секунду не усомнился в словах Соколова. Правда, он не мог знать, что тот использовал свое умение внушения, но сути это не меняло. Ведь в данном случае обмана не было, все было чистой правдой.

– А я-то всё гадал, как может двадцатидвухлетний парнишка быть тем самым «Игроком», которого мы столько времени вычисляли! Теперь понятно, что дело мы имели вовсе не с мальчишкой.

– Игроком? – удивился Соколов.

– Ну, это такая привычка – давать оперативные псевдонимы для неизвестных разыскиваемых преступников. Когда я понял, что на самом деле за всеми этими крупными политическими фигурами стоит некто неизвестный, который всеми ими управляет, то я и назвал его «Игроком».

Егор Соколов понимающе кивнул, но здесь уже Немирович задал свой вопрос:

– Ну и как там всё было, в том будущем?

– Вы знаете, в общем и целом не так уж и плохо. Конечно, были свои минусы (а где их нет?), но и плюсов хватало. Я бы даже сказал, что в целом было лучше, чем в позднем СССР. Ну, по крайней мере, если есть работа и деньги.

– Почему же решились на изменение этого будущего, если я правильно понимаю?

– На самом деле, моя цель не изменение будущего вообще. То есть, скажем, я не сторонник сохранения СССР. Я уверен, что крах его предопределен – годом раньше, годом позже. Моя задача заключается в том, чтобы попытаться смягчить для простых людей этот переход от одной системы к другой. Чтобы не было тех ужасов 90-х, которые поколение, пережившее это время, вспоминает с содроганием. Не все, конечно. Для кого-то они стали временем возможностей и невероятной свободы, но для большинства населения все же – годами нищеты и унижений. Да вы ведь и сами теперь помните. Кстати, вы кушайте, кушайте, Николай Вениаминович, здесь очень вкусно готовят.

– Спасибо, я ем. И когда вы... э-э-э, вернулись?

– В июне 84-го очнулся в госпитале в Ташкенте. Как и в прошлой жизни.

– И вы сразу всё помнили?

– Да.

– Почему же тогда я вспомнил все только сейчас.

Егор пожал плечами:

– Не ко мне вопрос.

– А к кому? Кто такой, например, этот Александр Валерьевич?

Соколов пожал плечами, но как опытный следователь Немирович видел, что он что-то знает, но предпочитает не говорить. Ладно, это все не к спеху. Да и не в том он сейчас положении, чтобы допрос устраивать.

– И что со мной будет дальше?

– Это вам решать, Николай Вениаминович. Предлагаю вам после завтрака пройти в мой кабинет и там спокойно всё обсудить. Если вы, конечно, не против.

– А если я против?

– Ну, тогда отправляйтесь домой, или к своему начальству на доклад. Мы не собираемся насильно удерживать честного человека, да еще и подполковника милиции.

– Что, правда, вот так просто и отпустите?

– А надо как-то сложно?

Против воли Немирович улыбнулся.

– Хорошо, давайте пройдем в ваш кабинет.

## Глава IV

Кабинет у Соколова был просторный, но без излишеств. Всё сугубо функционально. Впрочем, в углу стояли два очень удобных и мягких кресла, расположенных напротив друг друга. Сквозь большое окно лился солнечный свет, прореживаемый молодыми сосенками, посаженными вдоль здания штаба ЦСН.

– Пожалуйста, товарищ подполковник, присаживайтесь, – указал на одно из кресел Соколов, – может быть, желаете чай или кофе?

– Нет, спасибо, мы же только с завтрака. Уютные у вас кресла, – ответил Николай, усаживаясь.

– Ну, я все же числюсь здесь штатным психологом. А в этом деле казенная обстановка запрещена категорически, человек должен расслабиться, почувствовать себя уютно, – развел руками старлей.

– Да, чувствуется, что вы из двадцать первого века, да еще и капиталистического!

Они оба посмеялись.

– Давайте, Николай Вениаминович, я расскажу вам, что мы вообще собираемся делать.

– А не боитесь, что я об этом донесу вашим недоброжелателям?

– Нет, не боюсь. Потому что, вы извините, это вынужденная предосторожность, но после нашего разговора я поставлю вам психологический блок. И как только вы захотите рассказать о том, что узнаете здесь, вы сразу умрете, не успев сказать и слова. Предупреждаю вас об этом сразу – подумайте, пока я еще не приступил к рассказу. Предложение остается в силе: вы можете прямо сейчас покинуть территорию базы.

Немирович после этих слов и правда серьезно задумался и думал минут пять, не меньше. Соколов молчал, не мешая ему. Наконец, Николай поднял голову:

– Егор Николаевич, прежде, нежели я озвучу свое решение, можете ответить мне на два – три вопроса?

– Конечно.

– Если я откажусь, я выйду отсюда вновь забывшим всю свою прошлую будущую жизнь?

– Только в том случае, если вы сами пожелаете этого. Если нет, то будете помнить всё. Я бы даже хотел, чтобы вы помнили, чем закончится Перестройка, если мы не попытаемся все исправить.

– Понятно. Второй вопрос. Можете рассказать о том, что там произойдет дальше, после того, как я там умер? Хотя бы в общих чертах?

– Вы, если не ошибаюсь, покинули тот вариант истории в июне 1994-го года?

– Да.

– Ну, что сказать. Бардак в стране будет продолжаться до конца 90-х и даже чуть дольше, хотя после 95-го уже не с таким размахом и с каждым годом будет все спокойнее. Бандиты изо всех сил будут пытаться легализоваться и стать добропорядочными бизнесменами и депутатами. Большинство бандитской пехоты перестреляют или посадят, уже не так часто будут греметь выстрелы и взрывы на улицах городов, как это помните вы. В общем и целом период первоначального накопления капитала подойдет к концу во второй половине 90-х. Если вы стали бы спрашивать разных людей о том периоде, то вы услышали бы мнения порой кардинально противоположные. Что будет зависеть от того, как конкретный человек в это время сумел устроиться. Но большинство простых людей, работяг, особенно, если это не жители столиц и крупных городов, будут вспоминать это время с ужасом. В Москве же и Питере будет заметно больше ностальгии по 90-м, по свободе того времени, чем в России в целом.

В середине десятилетия начнется первая Чеченская война, которую Россия, по сути, проиграет. Да-да, не делайте круглые глаза, регулярная российская армия проиграет войну обыч-

ным бандформированиям. Хотя, если быть честным, нормально воевать, в таких условиях, мало бы кто смог. Настолько будут развалены наши Вооруженные силы. Настолько противоречивыми будут приказы командования. Настолько, что им часто просто не давали воевать, а порой и откровенно за деньги бандитов отдавали приказы отдать уже завоеванное солдатской кровью место. В общем, когда бардак в стране, в армии еще больший бардак.

В 99-м премьер-министром станет Путин Владимир Владимирович. Он будет лично курировать вторую Чеченскую войну и под его руководством Россия ее выиграет, по сути, сравнив с землей не только Грозный, но и многие другие чеченские поселения. Под Новый, 2000-й год, президент Борис Ельцин добровольно покинет свой пост, и назначит исполняющим обязанности президента России Путина. Ну, в общем, Путин будет президентом еще и в 2020 году, лишь на четыре года, с 2008-го по 2012-й уступив это место Дмитрию Медведеву. Но, безусловно, контролируя его, формально, будучи премьер-министром. В этот период, кстати, в конце лета 2008-го случится война с Грузией или, как ее будут называть – «пятидневная война», которая продлится с 8 по 12 августа, и в которой Грузия будет разгромлена. Хотя эта война и выявит многочисленные недостатки российской армии.

Все это время Украину будет лихорадить, революции станут там привычным и почти обычным делом. Пока в конце 2013 – начале 2014 года там не произойдет государственный переворот и бегство президента. Россия, воспользовавшись моментом, заберет себе назад Крым, а часть Донбасса фактически отделится от Украины, создав там непризнанные республики и ведя позиционную войну с Украиной вплоть до моей смерти. США со своими сателлитами откроют против России санкционную войну, что в первые годы сильно ударит по экономике и ценам.

– Вот теперь мне стала понятна та рокировка с украинскими областями и Крымом, которые передали России, – тихо сказал Немирович.

– Совершенно верно, Николай Вениаминович, это, так сказать, гарантия на будущее. Ну, вот, если в самых общих чертах, всё рассказывать слишком долго. Возможно, как-нибудь вечером мы с вами сядем и подробно поговорим об этом.

– Хорошо, тогда третий вопрос. Вы несколько раз обмолвились о «том варианте истории». Что это значит, разве вариантов существует несколько?

– Вы задали тот вопрос, в котором я сам почти ничего не понимаю. Могу лишь сказать то небольшое, что известно мне.

– Да, конечно!

Егор задумчиво почесал кончик носа:

– Насколько мне говорили (не спрашивайте, кто), мир устроен таким образом, что все возможные варианты событий потенциально реализуются одновременно. Как для каждого отдельного человека, так и для всего общества людей в целом. И каждый миг каждый из людей делает выбор, реализуя уже фактологически для себя конкретно один из возможных вариантов. Так складывается судьба отдельного человека. То же происходит и в обществе в целом, поскольку все в мире взаимозависимо. Все влияют на всех. При этом возможности у разных людей различные. Чем выше положение человека в обществе, тем значимее его возможности влияния на ход событий, и тем больше вероятности, что для мира в целом реализуется тот вариант истории, которые они проталкивают. Опять же не спрашивайте о подробностях, о механизме реализации и т.д., я ничего в этом не понимаю.

– Спасибо, Егор Николаевич, в целом концепция понятна. Обещаю над этим еще подумать. Знаете, когда вы говорите, я забываю, что передо мной сидит двадцатидвухлетний мальчишка, и лучше понимаю, что вам, – сколько вам на самом деле?

– Ну, если считать пятьдесят шесть там и уже два года здесь, то получается – пятьдесят восемь лет.

– Разум пятидесятивосьмилетнего человека в теле двадцатидвухлетнего парня – это, вероятно, круто?

– Сначала было необычно, но сейчас я уже стал забывать о том, как бывает иначе. Человек ко всему привыкает. Ну, что скажете, Николай Вениаминович? Каково ваше решение?

– Я согласен, – просто ответил Немирович.

– Я не сомневался в вас, – улыбнулся Соколов. – Итак, нас, знающих будущее, на сегодняшний момент четверо, включая нас с вами.

– Кто другие двое?

– Председатель КГБ СССР Владимир Владимирович Путин и министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров. Один, как вы, вероятно, уже поняли, в том варианте, почти 20 лет правил Россией – и это только при моей жизни, что было дальше, я не в курсе. И это дает ему сейчас такой опыт, такую фору перед всеми в мире, что трудно даже представить. Второй был в том будущем, которое вы застали, министром иностранных дел с 2004 года и до самой моей смерти. Обоим была дано послезнание, и они как бы «вспомнили» всю свою жизнь до 2020 года, хотя, в отличие от нас с вами, там не умерли. По крайней мере, повторю, до лета 2020-го, пока я, так сказать, не покинул тот вариант истории.

– А Горбачев?

– Горбачев – нет, он ничего не знает. Мы его используем втемную. Слишком уж он амбициозен, слишком мечтает о славе реформатора, слишком хочет понравиться Западу, даже в ущерб своей стране, пусть не понимая этого, чтобы доверяться ему до конца.

– И какой же смогли найти для него рычаг воздействия?

– У нас есть свои секреты. Возможно, когда-нибудь вы узнаете и об этом. Сейчас это лишнее, «кто умножает познания, умножает скорбь»<sup>13</sup>.

– Кажется, это фраза из Библии?

– Да, это Книга Экклезиаста.

– Вы читаете Библию?

– Можно сказать, это моя настольная Книга.

– Но вы же, наверное, комсомолец?

– А разве в Уставе комсомола запрещено читать Библию?

– Хм. А ведь, правда, ничего такого там не запрещено.

И они опять вместе рассмеялись. Потом Соколов продолжил:

– На данный момент нами проведена большая работа. На ключевых постах – Председателя КГБ и министра иностранных дел – наши люди. Путин уже член Политбюро, Лавров – кандидат в члены. Генеральный секретарь ЦК КПСС исполняет все приказы Путина. Мы, как вы знаете, уже смогли вполне законным путем, согласно Конституции ввести в состав РСФСР Крым, а так же Одесскую, Николаевскую, Запорожскую, Донецкую, Луганскую, Харьковскую, Днепропетровскую и Сумскую области.

Также мы ведем переговоры об объединении Германии на наших условиях – с одновременным выходом ее из НАТО, получением статуса нейтральной страны и выводом из объединенного государства войск НАТО и Варшавского договора. Далее планируется потихоньку распускать дышащий на ладан Варшавский военный блок, при условии официальных, документально зафиксированных гарантий того, что на евразийском континенте ни одно государство в блок НАТО больше не войдет.

Кроме этого самые боеспособные части армии, авиации и флота, а так же всю новейшую военную технику и важнейшие предприятия оборонной промышленности и промышленности двойного назначения мы постепенно переводим в РСФСР. Таким образом, чтобы вся цепочка

---

<sup>13</sup> Библия, Книга Экклезиаста, 1: 18

необходимых нам комплекующих оказалась на нашей территории. Чтобы в этом отношении мы были независимы от ставших вдруг сопредельными государств.

Мы создали Центр специального назначения КГБ на 12 лет раньше, чем это было в том варианте, когда Путин создал его только в 2008 году. Кроме этого уже сейчас в милиции создается ОМОН. Предпочтение отдаётся людям, прошедшим Афган, при этом, как ЦСН, так и ОМОН полностью комплектуется из контрактников. Для подготовки спецподразделений используется весь опыт, который в том варианте Россия получила за годы борьбы с терроризмом и организованной преступностью. Так что, есть надежда, что повторись подобное в этом варианте, мы сумеем задушить эти ростки в зародыше.

Вот, примерно, так. Но работы еще выше крыши. И мы надеемся, что вы будете нам помощником, а не врагом. Таких умных людей, как вы, лучше иметь в друзьях.

Соколов улыбался, но глаза его оставались серьезными и изучающими.

– В чем же может заключаться моя помощь? – удивился Немирович.

– В ваших аналитических способностях, конечно.

\* \* \*

– Хм. А вот это уже интересно. Но, прежде чем вы скажете, что мне надо расследовать, хотелось бы знать, как решится мой вопрос. Ведь я подполковник МВД и у меня есть свое начальство, которое, как я понимаю, противостоит вашей структуре. И есть у меня подозрение, что это мое начальство совсем не обрадуется, тому, что я «поменял цвет».

– Не беспокойтесь, Николай Вениаминович, – подмигнул Егор Соколов, – ваш перевод из МВД в КГБ уже согласован между вашим и нашим начальством. У нас есть свои средства добиваться нужных результатов. Поскольку, вы дали свое согласие, то приказ будет подписан уже сегодня, и с завтрашнего числа вы в МВД больше не служите.

– А служу я...?

– А служите вы в Следственном Комитете КГБ СССР.

– Это там, где меня допрашивали, когда срок кроили, на Энергетической улице?

– Совершенно верно. Интересно, как судьба порой тасует карты, а?

– Да уж! – Николай побарабанил пальцами правой руки по коленке.

– И, кстати, – опять заулыбался Соколов, – могу порадовать, переводитесь вы с присвоением вам звания полковник государственной безопасности. Соответственно, и зарплата будет выше. Думаю, что это справедливо, учитывая, что пострадали вы именно от нашей структуры.

Немирович молчал и думал о том, что и правда, как интересно тасуется колода судьбы. Два года назад (а по другому счету, больше десяти лет назад) СК КГБ упрятал его в тюрьму. И вот теперь уже он сам фактически уже является полковником этого комитета. Полковником?

До него только сейчас дошел смысл последних слов Егора. Он поднял глаза и посмотрел в лицо улыбающемуся старлею.

– Все это и правда, совершенно неожиданно для меня. Вообще все, что произошло в последние сутки. Но, скажите, Егор Николаевич, вот я, считай, уже полковник КГБ, а вы только старший лейтенант того же ведомства. То есть я буду аж на целых четыре звания старше вас. Вас это не задевает?

– А почему это должно меня задевать? – удивленно спросил Егор.

– Ну, я ведь, как вы сами сказали, очень хороший следователь. И это действительно так, признаюсь без ложной скромности. Я искал главного, того, кто дергает за все ниточки. И я его нашел – это вы. Вас не задевает, что вам, легендарному Игроку, может приказать какой-нибудь капитан, проходящий мимо?

– Нет, не напрягает. Во-первых, как вы и без меня знаете, Игрок должен быть в тени. Вы меня нашли только потому, что вы и правды сыщик от Бога. Ну и еще немножко потому, что

я так захотел, – подмигнул Соколов. – Такие, как вы, раз в сто лет, может быть, рождаются. Нет, хороших и даже очень хороших сыщиков всегда и везде много. Но вы гораздо больше, чем просто хороший сыщик. И вы это знаете.

– Во-вторых, – продолжил он, после короткой паузы, – мне не так-то просто сможет что-то приказывать не только капитан, но даже полковник или генерал.

И он протянул Немировичу свое удостоверение. Тот раскрыл и ознакомился с почти обычным удостоверением офицера КГБ. Но именно что почти обычным. Потому что в этом удостоверении было написано, что податель оно является личным представителем Председателя КГБ СССР и подчиняется только лично Председателю.

– Ну как? – подмигнул Егор, убирая удостоверение в карман.

– Солидно, ничего не скажешь! С такой ксивой можно позволить себе многое, – покачал головой Немирович.

– Не более чем позволяет советский закон, – серьезно ответил личный представитель Председателя КГБ, – мы ведь его служители, а не нарушители.

Николай Вениаминович так же серьезно посмотрел в глаза Соколова и согласно кивнул.

– Ну а теперь, раз уж мы с вами коллеги, и вы теперь следователь КГБ, позвольте ознакомить вас с тем расследованием, которое завтра вам поручит провести Путин. Я, как вы понимаете, действую в данном случае от его имени и по его поручению.

Немирович кивнул.

– Дело вот в чем. Как я говорил раньше, есть четыре человека, которые посвящены в тайны нашего прошлого будущего, так сказать, непосредственно. Но есть еще те, которым об этом рассказывали, и которые в той или иной степени введены, скажем так, в большую игру. Они не видели этого будущего, как, например, мы с вами. Не получили свою собственную память о нем, как Путин или Лавров, поскольку они до этого будущего просто не дожили. Они все погибли в 1985 году в Афганистане, во время восстания наших пленных солдат в пакистанской крепости Бадабер. В том варианте истории. В этом варианте я вспомнил об этом и успел выгнать тех, кто на тот момент оставался в живых – пятнадцать наших солдат, офицеров и вольнонаемных.

– Как вам это удалось? – вырвалось у Немировича.

– Пока это для вас излишняя информация. Если будет необходимость, вы с ней ознакомитесь.

Немирович кивнул головой:

– Я понимаю. Спросил потому, что вспомнил эту историю. Я сидел тогда, но в газетах писали. Им всем присвоили звание героев. Помню, я тогда еще не поверил официальной версии о том, что их выгнали спецназ ВДВ. Никакой спецназ ВДВ не мог действовать на территории третьей страны, формально не участвующей в конфликте.

– Верно. И, конечно, я рад, что вы с нами. Поскольку, столь проницательный человек нам нужен. Но я продолжу. Вся нужная информация будет вам предоставлена, пока я скажу коротко о сути. Эти пятнадцать ребят изъявили желание вступить в ряды спецназа КГБ. После чего с ними была проведена соответствующая работа. Поверьте, очень хорошая работа, я бы даже сказал – наилучшая из возможных. Они стали очень, очень хорошими воинами. После курса спецподготовки все они составили личную охрану Председателя КГБ. И теперь их стали убивать. И убили уже четверых.

– Как именно их убили?

– Все они умерли от онкологических заболеваний. По-простому – от рака.

– Это точно?

– Абсолютно, лучшие специалисты в этой области дали одинаковые заключения.

– Я, конечно, сочувствую, – начал Немирович, – и само по себе такое совпадение уже является поводом для расследования. Но вы не допускаете, что, возможно, как вариант, их там, в плену, чем-то травили, а теперь это вот таким образом сказывается?

– Понимаете, Николай Вениаминович, – осторожно заговорил Соколов, – даже если бы такое было на самом деле, это не имело бы ровно никакого значения. Поскольку, после упомянувшейся мною специальной обработки, они были абсолютно здоровыми людьми и в принципе не могли ничем заболеть – ни онкологией, ни насморком. Понимаете, в принципе!

– Не понимаю, – ответил Немирович, – но принимаю как вводную. И еще. Хочу сказать сразу, если вы хотите, чтобы я работал эффективно, мне нужна полная информация. Иначе я просто не могу гарантировать положительный результат.

Егор откинулся на спинку кресла и мысленно обратился к своим небесным покровителям: «Пожалуйста! Мне нужно, чтобы браслет сработал еще раз – на Немировиче. Он должен поверить». И мысленным взором увидел глаза инкарнации серафима и своей любимой девушки Ольги<sup>14</sup>. Веки ее опустились и поднялись. И тогда он понял, что просьба одобрена.

Он расстегнул часы, которые носил на левой руке. Обычные советские часы, дешевые, но надежные – на таком же дешевом ремешке из кожзаменителя. По крайней мере, любой, видящий их, так бы именно и подумал. Протянул часы Николаю Вениаминовичу и попросил:

– Пожалуйста, оберните на минуту вокруг своей руки.

Немирович удивился, но часы взял и обернул ремешок вокруг запястья.

«Есть!» – внутренне воскликнул Егор, увидев знакомое голубоватое сияние, на секунду окутавшее Немировича.

Он протянул руку, и Николай Вениаминович вернул часы, имея при этом вид несколько странный.

– Что чувствуете? – с улыбкой спросил Егор.

Немирович с удивленным выражением лица прислушивался к себе какое-то время, потом сказал:

– К своим сорока пяти годам, пройдя десять лет лагерей, я заработал кучу хронических заболеваний. У меня уже несколько лет не бывает такого, чтобы что-то не болело. Я настолько свыкся с этой болью, что научился даже не замечать ее. Например, мой позвоночник... Я просто забыл, как бывает, когда он не болит. Но теперь я вдруг понял, что у меня не болит вообще ничего. И это странное ощущение, я как будто помолодел лет на двадцать.

Он встал, прошелся по кабинету, несколько раз присел, подпрыгнул, нагнулся. Глаза сияли, улыбка растянула зубы. И вдруг он полез рукой в рот, тщательно ощупал зубы и обратился к Егору:

– Так не бывает.

– Что вы имеете в виду?

– У меня не было трех зубов. В лагере пришлось удалить. А сейчас все зубы на месте. И такое впечатление, что они настоящие.

– Именно, что настоящие. Более того, ваш организм полностью обновлен, каждый орган. Сейчас вы абсолютно здоровы, как на самом деле в жизни практически не бывает ни у кого – это вы верно подметили. И, более того, существует гарантийный срок. В вашем случае – это 10 лет гарантии того, что вы в течение этих лет ничем не заболеете. Даже если вам специально прививать болезни или травить вас ядом. Ваш организм нейтрализует любой яд. Теоретически, цианистый калий вы можете есть как приправу – ложками. Но практически, я советую все же воздержаться от подобных капризов. А то, знаете, войдет в привычку.

---

<sup>14</sup> Эта история описана в романе «Перестройка».

И Соколов заразительно расхохотался. Так что и Немирович не смог удержаться и тоже прыснул смехом. Так они сидели и смеялись, хлопая ладонями по коленям и ручкам кресел и не в силах остановиться. Про такое в народе говорят: смешинка в рот попала.

Наконец, они успокоились, и Соколов продолжил:

– Понимаете теперь?

– Кажется, да. С этими бойцами была проведена такая же процедура.

– Именно.

– И они никак не могли умереть от рака?

– Никак не могли – ни от рака, ни от какого другого заболевания. Только от выстрела в сердце или в голову. Ну, или от чего-то подобного. Но только не от болезни.

– Но они таки умерли именно от рака?

– Да.

– И вы хотите знать, как такое стало возможным?

– Именно. Понимаете, в отличие от нас с вами, они не умирали и не были возвращены в свои более молодые тела. Но ведь и Лавров с Путиным тоже не умирали.

– А это значит, что то, что происходит с этими бойцами, может случиться и с ними?

– Вы, как всегда, смотрите в корень! Нам необходимо выяснить, кто или что стоит за этими смертями.

Немирович покивал и вдруг, кивнув на часы Соколова, спросил:

– Не боитесь носить это открыто?

– Не боюсь, – ответил тот. – Во-первых, вряд ли получится отнять это у меня. А, во-вторых, для того, кто отнимет, это будут просто дешевые часы с ремешком из кожзаменителя.

И продолжил:

– Ну что, Николай Вениаминович, готовы взяться за работу? Я уверен, что расследование будет интересным, но и опасным. Мы, конечно, дадим вам охрану, но есть вероятность, что силы, с которыми вы столкнетесь..., как бы это сказать, будут не по зубам никакой охране. Поэтому вам обязательно, для собственной же безопасности, нужно будет держать меня в курсе, особенно, если вы столкнетесь с какими-то необъяснимыми странностями.

– Ну, волков бояться, в лес не ходить, – ответил Немирович. – Я готов.

– Тогда сегодня поезжайте домой, отдохайте. А завтра, в девять утра, вам следует быть на Лубянке, вас будет ждать Путин. А также получите удостоверение и личное оружие.

Они встали, пожали друг другу руки и Немирович вышел.

## Глава V

В девять утра следующего дня Немирович входил в кабинет Путина. Председатель КГБ СССР вышел ему навстречу, пожал руку и пригласил к маленькому столику, который ютился между столом Председателя и большим столом для совещаний. Там стояли два деревянных стула с мягкими сиденьями напротив друг друга.

Когда они уселись лицом друг к другу, Путин неожиданно произнес:

– Николай Вениаминович, полагаю, что старший лейтенант Соколов уже ввел в вас курс дела, поэтому предлагаю начать с просьб и пожеланий. Если они у вас есть.

– Пока я не ознакомился со всеми материалами дела, у меня только одна просьба: предоставить их мне в полном объеме.

– Разумеется. Вам будет предоставлено всё, что у нас есть. Если что-то непонятно, обращайтесь к Егору Николаевичу. Он во всем этом разбирается лучше, чем я. Собственно, я вызвал вас для того, чтобы познакомиться лично и как Председатель комитета, принести вам извинения за действия нашей службы. Пусть и не я отдавал приказы, но если я сегодня впрягся в эту телегу, то несу ответственность за все. Уверю вас, что можно исправить, то исправим. Например, вам, как незаконно пострадавшему, положена дача в Подмоскowie и все документы уже выписаны. Ордер вам выдаст мой секретарь. Так же вам выделяется служебная машина с водителем, закрепленная за вами 24 часа в сутки. Вам выделен кабинет на Энергетической. Там же, кстати, получите оружие. За вами закреплена группа из четырех человек. Поверьте, это самые лучшие сыщики, какие у нас есть. Кроме этого, из собственной охраны я выделяю для вас двух асов – в их задачу будет входить ваша охрана.

– Это те, которые...?

– Совершенно верно, те, которые, скажем так, находятся в зоне риска. Я подумал, что это хорошая идея, приставить их к вам. Заодно вы можете сами наблюдать за ними и всегда под рукой. К тому же, они действительно асы в своем деле.

– Да, думаю, мне с ними надо будет внимательно пообщаться.

– Ну, вот и совместите полезное с полезным, – улыбнулся Путин, вставая, – а сейчас торжественный момент. Он достал из ящика стола красное удостоверение и погоны с тремя полковничьими звездами.

– Товарищ Немирович, поздравляю вас с присвоением звания полковник государственной безопасности.

– Служу Советскому Союзу! – четко ответил Немирович.

– Я уверен, вы оправдаете доверие Родины. А сейчас, прошу меня извинить, очень много дел. Все дальнейшее общение по этому вопросу со старшим лейтенантом Соколовым.

– Есть, товарищ генерал-лейтенант!

– Мы на вас очень надеемся, товарищ полковник.

Они пожали друг другу руки.

– Разрешите идти?

– Идите и Бог вам в помощь.

Удивленный последними словами Путина, Немирович вышел из кабинета.

В приемной секретарь Путина в чине майора вручил ему обещанный ордер на дачу, ознакомил под роспись с приказом о переводе из МВД в Следственное управление КГБ и поздравил с присвоением звания.

Когда он направился к выходу, со своих стульев встали двое в штатском и приняли стойку смирно. Один из них отрапортовал:

– Товарищ полковник, разрешите представиться. Старшина госбезопасности Васильев.

– Старший сержант госбезопасности Дудкин, – представился второй.

– Товарищ полковник, мы ваша охрана. Огромная просьба: выполняйте все наши указания относительно вашей безопасности. Иначе, мы просто не сможем хорошо выполнять свои обязанности и предотвратить нештатные моменты.

«Надо же, нештатные моменты! Это он так о моем убийстве, что ли?» – восхищенно подумал Немирович. Парни ему понравились. Было в них что-то такое, надежное.

– Отлично, – ответил он, – командуйте, старшина!

Васильев улыбнулся:

– Пока мы в здании конторы, думаю, вам ничто не угрожает. Но когда будем выходить, пожалуйста, дождитесь, пока мы всё проверим и дадим вам знак. В машину от двери надо идти быстрым шагом. Чем быстрее, тем лучше. Это затрудняет прицеливание.

– Хм, что ж, все логично. Принято.

И они пошли к выходу. Старший сержант Дудкин впереди, потом Немирович, за ним – старшина Васильев.

\* \* \*

И вот он в своем новом кабинете. Позади представление начальнику СК КГБ, знакомство со своей новой командой, вверенной его руководству. Немирович уже прочитал их личные дела и убедился, что каждый из них профессионал, за каждым вереница раскрытых дел. Что ж, тем лучше, профессионал с профессионалом всегда найдут общий язык.

Он смотрел на обстановку кабинета, а в глазах стояла зона. Не так-то просто оказалось отделаться от нее, она осталась в памяти, в мыслях, в глазах – как сейчас. А ты как думал, отсидел, вышел и все забыл, как и не было? Спокойно вернулся к прежней жизни без всяких проблем? Так не бывает, к сожалению. Николай вздохнул и потряс головой, прогоняя воспоминания. Знакомые часто приставали к нему с просьбой рассказать о том, как и что там? Он никогда не рассказывал. Друг Мишка Старостин даже обижался. Все они никак не могут понять, что нельзя рассказать об этом тому, кто там не был. Что бы ты ни сказал, тебя все равно не поймут или, что еще хуже, поймут не так. Это можно только прочувствовать самому, на своей шкуре, а этого он не желал никому. Поэтому чаще улыбался, отшучивался, дескать – что там рассказывать? Тюрьма она и есть тюрьма – понты, кенты, менты и ты. И смеялся.

Но свой неизгладимый отпечаток годы, проведенные там, конечно, на нем оставили. Как они оставляют его на всех, кто пережил подобное – неважно, за дело или по наговору. Он стал меньше верить людям, больше ожидать подвоха, надеяться только на себя. Научился, как там говорят – «фильтровать базар», то есть думать, прежде чем что-то сказать – а стоит ли вообще это говорить, а если стоит, то – в какой форме лучше выразить. Но если уж решился и сказал, то нести полную ответственность за свои слова – «отвечать за базар». Он опять невольно улыбнулся тому, что про себя продолжает применять все эти тюремные жаргонизмы, настолько они в него въелись, хотя вслух никогда их не произносит. Просто они ему понятны до конца, они одним словом или фразой выражают то, что для людей не сидевших приходится объяснять долго и часто без особого успеха.

Так, стоп! Хватит опять об этом. Забыть! Хотя бы попытаться. Сейчас время подумать о другом, о том деле, которое ему поручили. Что у нас есть?

Из всех материалов, собранных на данный момент, вырисовывалась следующая картина. Если выразить её предельно коротко, то получится следующее: ничего не понятно. От слова – вообще. Ну, жили люди, служили, потом заболели онкологией и умерли. Самая обычная картина, ничего странного или необычного в ней нет. Только в СССР несколько миллионов человек в год умирают от рака и связанных с этим заболеванием осложнений.

Некоторые ученые полагают, что при определенном стечении обстоятельств некоторыми формами онкологии можно заразиться, но все же большинство категорически заявляют – нет.

Объединяет всех бойцов то, что они умерли очень быстро. И здесь тоже интересно, что быстро умирают обычно от саркомы, как называют группу злокачественных опухолей, не привязанных к каким-либо органам, в отличие от других форм рака. Но даже при саркоме обычно не умирают так быстро, буквально в течение месяца, если только это не маленькие дети, у которых клетки очень быстро размножаются просто в силу возраста. Да и те обычно все же умирают не так стремительно.

Но самое главное не это. Медицинская тема, как объяснил Соколов, вообще не должна рассматриваться. Это убийство, а не болезнь. Просто потому, что заболеть они не могли никак. И если допустить, что Соколов ошибается, то все равно – все четверо не могли умереть так быстро. Онкология – это не инфаркт. Да и вообще, если они действительно заболели и умерли от болезни, то Немировичу нечего расследовать. Но и Соколов и Путин настаивают, что онкология здесь ни при чем. Что касается врачей, то они лишь удивленно разводят руками, вскрытие показывает смерть от рака. Но как совершенно здоровые молодые люди могли менее чем за месяц умереть от разных форм рака, ни одна из которых не относится к группе саркомы, учитывая, что все они за две недели до того, проходили полное медицинское обследование, какое, проходят, пожалуй, только космонавты и члены ЦК, они объяснить не могут. Лишь глубокомысленно повторяют мантру о том, что не все еще до конца изучено, не все понятно. Но это известно и без них.

Ему необходимо исходить только из той версии, что это убийство, но каким образом их могли так убить? Придется восстанавливать буквально по часам и минутам последние, скажем, два месяца, чтобы с запасом, их жизни. И смотреть, что и где у всех пересекается. Может быть, отыщется что-то странное или непонятное. Пожалуй, – решил Немирович, – это я и поручу отрабатывать своим помощникам.

А если все же это не убийство, то что? Что, если само время как-то выталкивает тех, кто не должен в нем находиться? Ведь эти ребята в другом варианте истории уже давно мертвы, их нет. Если это так, то здесь, пожалуй, ничего не сделаешь. Но можно попробовать как-то выяснить, так это или нет. Как выяснить? Немирович вздохнул – это тоже пока непонятно. Но, по крайней мере, если это так, то Путину с Лавровым ничто не угрожает, ведь они и в другом варианте истории жили еще очень долго. По крайней мере, до 2020-го года точно. И если подтвердится версия о... , Немирович задумался, пусть – «временном парадоксе», то это уже будет хороший результат, ибо хотя бы начальство в этом случае может расслабиться. Парней ведь уже все равно не вернуть.

Немирович сидел и по привычке барабанил пальцами по столешнице. Это всегда помогало ему думать. Посидев еще немного, он взглянул на часы и понял, что хочет есть. А заодно, решил он тут же, надо прогуляться, чтобы проветрить мозги. Кажется, недалеко есть кафе, это сейчас лучший вариант, чем ведомственная столовая – никто не будет отвлекать.

Он взглянул в окно, погода отличная, небо ясное. Встал, запер все документы в сейф и, прихватив пиджак, где было удостоверение и бумажник, вышел из кабинета.

\* \* \*

Немирович вышел из здания Следственного управления и, не торопясь, пошел в сторону 1-го Краснокурсантского проезда, изредка косясь на двух парней его охраны, один из которых шел по противоположной стороне чуть впереди, другой в нескольких метрах позади него.

Его рабочее время никто не контролировал, график полностью свободный. И, по сути, сейчас, идя по улице Энергетической, он тоже был на рабочем месте. Он шел и думал, а думать – это и есть основная составляющая его работы. Можно даже сказать, что девяносто процентов его работы занимал именно мыслительный процесс. Потому что в работе следователя, самое главное – это понять мотивы, правильно интерпретировать те или иные факты и сделать из них

правильные же выводы. Он знал тех своих коллег, кто был с ним не согласен, но не любил их. Поскольку как раз такие, которые считали, что был бы человек, а дело найдется, в свое время, и посадили его в тюрьму.

А когда он думал, он мало замечал происходящее вокруг, погруженный в свои мысли. Но неожиданно пронзительный женский крик вырвал его из этого привычного процесса, и он поднял глаза. Прямо перед ним, буквально, метрах в пяти, какой-то мужчина, явно криминальной наружности, схватив за руку девушку, пытался ее куда-то тащить. Та испуганно кричала: «Помогите, кто-нибудь, он меня убьет!». Но мужик, не обращая внимания на ее крики, продолжать тянуть ее куда-то в сторону.

Нельзя сказать, что Николай Вениаминович, был очень сильным человеком, но и слабым не был. К тому же, в кармане у него лежала красная корочка, которую в это время боялись все без исключения. Поэтому, он быстро подошел к странной паре и, достав удостоверение, крикнул:

– Комитет госбезопасности! Что здесь происходит?

Мужик, услышав про КГБ, тут же бросил свою жертву и быстро рванул куда-то в ближайшую подворотню и Немирович краем глаза заметил, как его повалил старшина Васильев. Николай обратился к оставшейся девушке, сразу отметив, что она просто красавица:

– У вас всё в порядке? Что он от вас хотел? Это грабитель?

Гражданочка неожиданно пустила слезы и изо всех сил прижалась к нему. Немирович замер, не зная, что делать, чувствуя лишь, как тугая девичья грудь плотно прижалась к его груди. Девушка же продолжала рыдать у него на плече, видимо, не в силах ничего выговорить.

– Ну-ну, ну-ну, – Николай осторожно погладил ее по спине, отчего та зарыдала еще громче, а грудь вжалась в него еще плотнее.

– Право слово, девушка, успокойтесь уже, он убежал, его уже нет, – бормотал Николай, продолжая гладить спину, боясь пошевелиться и разорвать это единство грудей.

Наконец, незнакомка оторвалась от него, пробормотала «Извините» и, достав из сумочки платок, стала вытирать слезы и быстро что-то еще делать, глядя в извлеченное из сумочки же зеркало. Николай стоял, опустив руки по швам, не зная, что ему предпринять. В общении с женщинами он вообще был не силен. Если это, конечно, не было официальное общение в рамках уголовного дела. До тридцати пяти лет он так и не сумел жениться, а потом, сами понимаете, в тюрьме и жениться не на ком. Разве что, как это делали некоторые, найти себе «заочницу», то есть – подругу по переписке. Но ему это всегда как-то претило, что ли...

Нет, его нельзя было назвать женоненавистником, женщины ему нравились. При этом он их боялся, ибо это были существа донельзя странные и нелогичные. Он не мог их понять, а все, чего он не понимал, он инстинктивно сторонился. Он просто не знал даже, о чем с ними говорить (опять же, если это не был допрос). Несколько попыток свиданий в ранней молодости убедили его в этом еще больше. После них он вообще женщин сторонился, а той, которая бы сама взяла его в свои руки, почему-то не нашлось. Такое случается. Вот и оставался он девственником до своих тридцати девяти лет. Что тоже во многом сказалось на его характере и заикленности на работе. Работа стала для него всем – женщиной, семьей, ребенком, вообще всей жизнью. И все годы, проведенные в лагере, он скучал только по работе.

А потому, казалось бы, женщины давно перестали его интересовать именно как женщины. Но вот сейчас что-то такое, давно забытое всколыхнулось в груди и нерешительно зашевелилось, словно просыпаясь от долгого летаргического сна. Что-то теплое и светлое, что ему даже сравнить было не с чем. А когда девушка повернулась к нему лицом и посмотрела в глаза, он сразу понял: всё, пропал – сражен, как говорится, наповал! Он смотрел в это лицо, в это прекрасное лицо, нет, не лицо – лик, как верующий смотрит на икону. С трепетом и священным восторгом. Эти зеленые глаза, в которые он проваливался, летел куда-то вниз и вверх одновременно, потому что кружилась голова – и не мог провалиться! Этот носик, чуть вздер-

нутый – он такой... такой...э-э-э-э, вот – милый! Эти ярко красные, манящие, обещающие неземные удовольствия губы! Эти роскошные черные волосы, ниспадающие на плечи блестящим водопадом! Он запомнил их запах и теперь ни с чем бы никогда не перепутал. Эта...

– Извините, пожалуйста! – прервала восторженный поток его мыслей девушка, – я не должна была бросаться вам на грудь, но я так испугалась!

– А? – очнулся Николай.

– Я говорю: спасибо вам огромное. Если бы не вы, он бы меня изнасиловал!

– А кто он такой? – Немирович, наконец, очнулся, и его мысли приняли привычный следственный характер.

– Да я его вообще первый раз в жизни вижу, – пожал плечами незнакомка, – пристал на улице. Сначала в комплиментах рассыпался, приглашал в ресторан. А когда я отказалась, то схватил за руку и потащил куда-то. Вот тогда я испугалась и стала кричать. А тут как раз вы!

И слезы опять потекли из ее глаз.

– Пожалуйста, не плачьте! – Николай не знал, что в таких случаях делают. – Хотите, пройдем в отделение милиции и подадим заявление. У меня в милиции много знакомых, они постараются и найдут его.

Но девушка покачала головой:

– Нет, пожалуй, не надо. Он ведь ничего мне не сделал, только пугал. Я бы домой сейчас пошла. Но страшно как-то. Может, – она замялась, – вы смогли бы меня проводить?

И тут же вскинулась:

– Ой, извините, вы же, конечно, заняты, рабочий же день! Простите еще раз, я вам так благодарна, вы такой хороший и смелый, я сама добегу.

– Нет, нет! – воскликнул Немирович, – я могу, я с удовольствием! Работа – это ничего, это нормально!

– Ой, правда? Спасибо вам, мой спаситель! – и она неожиданно прижалась к нему и чмокнула в щеку.

И Немирович ощутил как вновь сладостно-карамельный туман понес его куда-то в сказочные и манящие дали, а она взяла его под руку и они пошли.

– Меня зовут Варвара, а как ваше имя?

– Николай.

– Ой, а вы знаете, что Николай в переводе с древнегреческого означает «победитель народов»?

– Правда? Нет, не знал. Как-то никогда этим не интересовался.

– Да вы что, это же очень важно – знать значение своего имени! Оно же всю жизнь человека определяет, его характер, привычки!

– Да я как-то никогда с этой точки зрения не рассматривал. Имя и имя... – замялся Николай.

Варвара рассмеялась, и ее смех зазвенел в его ушах волшебными колокольчиками. Он заслушался и опять потерял нить разговора.

– Эх, вы, мужчины! Вам бы все только работа!

– А что значит имя Варвара? Оно же довольно редкое сейчас?

– Да, сегодня редкое, а раньше Варвар на Руси было много. А означает оно – «чужеземка». Не так красиво, как Николай, правда?

И она опять засмеялась, чем вновь одновременно смутила и восхитила Николая.

– Очень красивое имя! – горячо воскликнул он, сам не ожидая от себя такой горячности. И оттого смутился еще больше.

– Спасибо! – Варвара посмотрела не него, – а вы, кажется, милиционер?

– Не совсем, я служу в следственном отделе КГБ.

– Ух ты, ничего себе! Так вы настоящий чекист?

– Ну, пока еще, наверное, не очень настоящий. Только второй день как переведен из милиции. Если честно, то я просто следователь, расследую различные преступления. Был следователем в МВД, и здесь тоже буду делать то же самое.

– Николай, это же так романтично! Погони, преследования, перестрелки с настоящими бандитами! Прямо, как в книжках! Вы мне всё-всё обязательно расскажете, – она широко распахнула глаза, видимо, очень увлеченная перспективой услышать его захватывающие детективные истории.

– Боюсь вас разочаровать, Варвара, но моя работа мало похожа на детективные романы. В основном я занимаюсь тем, что думаю. И это очень скучно, наверное. Хотя мне думать нравится. И может быть поэтому я люблю свою работу. А кем работаете вы?

– Моя работа очень скучная, – с улыбкой ответила Варвара, – я библиотекарь, работаю в Ленинке<sup>15</sup>.

– Ничего себе, в самой Ленинке? – воскликнул Николай? Казалось, его восхищало вообще все, что она говорила просто потому, что это говорила она.

– Да, я заведующая отделом древних рукописей.

– Да вы что? Вот, где, наверное, по-настоящему интересно! Вот где и правда, захватывающие истории!

Она опять засмеялась, он снова поплыл от ее смеха. Похоже, это у него стало входить в привычку.

– Что же может быть интересного в копании в древних бумагах? Хотя вы правы, мне моя работа, как и вам своя, тоже очень нравится.

Затаив дыхание, и еле слыша самого себя из-за громко бухающего в ушах сердца, Немирович, стараясь, чтобы его голос звучал безразлично и, понимая, что вряд ли это у него хорошо получается, спросил:

– А ваш муж, он, где работает?

– А я не замужем. Если точнее вдова. Мой муж был тоже библиотечным работником, но умер уже давно, больше десяти лет назад.

– Извините. Примите мои соболезнования, – стараясь, чтобы в голосе звучало сочувствие, пробормотал Николай, в душе отплясывая гопака от радости.

– Ну, что вы, это все уже история. Больше обидно, что детишек так и не успели завести.

Немирович сочувственно помолчал, но про себя отметил, что детей у нее тоже нет. И это очень хорошо, поскольку общаться с детьми он умел еще меньше, чем с женщинами.

– Но вы же такая молодая, у вас еще все впереди, будут и дети! Вы ведь еще так молоды, наверное, очень рано вышли замуж?

– Спасибо за комплимент! – кокетливо засмеялась Варвара, – мы, женщины, обожаем комплименты.

– Да какие же комплименты? – удивился Николай, – ну, сколько вам? Я бы сказал, что, максимум – двадцать восемь. А, скорее всего, двадцать пять.

– А тридцать пять не хотите?

– Что? Да нет, не может быть! – совершенно искренне удивился Немирович. Уж он-то, в связи со спецификой работы, как говорят, «собаку съел» в этих вопросах. Возраст человека на глаз он определял практически всегда безошибочно, плюс – минус год, максимум – два. Так что ошибиться никак не мог.

– Может, Николай, может, – с грустью в голосе ответила Варвара, – это чистейшая правда. Перед вами женщина в бальзаковском возрасте. В самом его, так сказать, разгаре.

Немирович пораженно молчал. Варвара точно не выглядела на тридцать пять. Он не мог ошибиться так намного.

---

<sup>15</sup> Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Ныне – Российская государственная библиотека.

- Ну, что, Николай, испугались? Думали, молодая, а оказалась старуха?
- Да я, Варвара, да как вы могли..., да вы знаете, что вы самая красивая женщина в мире! – неожиданно для самого себя выдал Николай.
- Прямо вот во всем мире? – игриво прищурилась Варвара.
- Во всем! – без сомнений отрезал Николай.

\* \* \*

Николай сидел в своем рабочем кабинете, в который ему пришлось вернуться, но не мог думать о работе. Может быть, впервые в жизни. Как он ни пытался, он не мог сосредоточиться на задачах следствия. Он думал только о ней – о Варе, о том, какая она красивая, умная, да и вообще – самая привлекательная и обаятельная. Он уже понял, что влюбился и влюбился по уши, чему не переставлял удивляться. Он повторял раз за разом одну лишь фразу: вот, значит, как оно бывает!

Не, конечно, это не значит, что он никогда не влюблялся до этого. Было дело и в школе, и в институте, да и потом. Помниться даже по молодости и дурости лет стишки кропал о своих неразделенных чувствах. Целовал фото своей возлюбленной и путался под ногами прохожих у ее окон. В общем, проделывал все те штуки, которые кажутся влюбленной молодежи такими важными и самыми главными в жизни, но у людей более старшего возраста вызывают лишь снисходительные улыбки.

Да-а-а, все это было. Но все это, как он только сейчас понял, было совсем не так. Если сравнивать, то это было как черно-белая фотография океана в сравнении с настоящим, живым, дышащим океаном. Чувство было таким ярким и пронзительным, что он сам себе удивлялся. Словно мальчишка, ей Богу! Да нет, он и мальчишкой никогда настолько сильно не влюблялся. Уж, не приворожили ли меня! – мелькнула шальная мысль, и тут же исчезла как несерьезная – не верил Николай ни в какую ворожбу и прочую, с его точки зрения, чепуху.

Однако надо собрать все же себя в кулак и вернуться к работе. Начальство требует результаты. И он неожиданно пропел строчку из старого, хорошего фильма»:

Первым делом, первым делом самолеты!

Ну, а девушки? – А девушки потом<sup>16</sup>.

---

<sup>16</sup> Песня из фильма «Небесный тихоход», 1945 г., сл. С. Фогельсона, муз. В. Соловьева-Седого

## Глава VI

*Четыре месяца назад.*

Сергея Петров ненавидел СССР увлеченно и беззаветно. В этом его чувстве по отношению к своей стране сплелось воедино много причин. Одна из главных – это отсутствие у Сереги денег вкупе со страстным желанием жить красиво, разъезжать на собственном автомобиле «Волга» и водить девушек в рестораны. Другой причиной был отказ советской фирмы «Грамзапись» выпускать пластинки его любимых западных групп «Kiss» и «Led Zeppelin», которые приходилось покупать по двадцать пять рублей за диск у фарцовщиков. А двадцать пять рублей – это такая сумма, которая у Сереги появлялась крайне редко. К третьей причине можно отнести отсутствие в продаже модных джинсов «Levi's», «Montana» и «Wrangler», что опять-таки было связано с необходимостью покупать их у той же фарцы в среднем, по 200 рублей за пару и больше. Особую же ненависть советская власть вызывала у Сереги за то, что он не поступил в институт и теперь ему придется идти в армию.

Но если бы кто-то захотел узнать у него самого, за что конкретно восемнадцатилетний призывник военкомата может ненавидеть СССР, то Серега гордо заявил бы о том, что его предков раскулачили коммунисты и если бы не это, то сейчас его семья жила бы счастливо и богато.

Действительно, был такой прискорбный факт в истории его семейного древа. Родители его бабушки считались кулаками за то, что, имея трех лошадей и пять коров с одним быком Борькой на развод, нанимали соседей помогать косить на все это хозяйство, расплачиваясь с ними как договаривались. В тракторке того времени (двадцатые годы двадцатого века) это было использование наемного труда бедняков. Двух лошадей из трех у них отобрали, как и трех коров из пяти. Прихватили и быка Борьку, чтобы кулачье отродье не размножалось. По крайней мере, так прокомментировал сей акт экспроприации председатель сельской комсомольской ячейки и потомственный алкоголик Яков Прыщев.

Совсем недавно, вспоминая свою молодость, Сереге все это рассказала его бабушка – убежденная коммунистка. Как только он услышал этот рассказ, его ненависть к СССР тут же обрела, наконец, идейную основу, что, согласитесь, звучало более внушительно и даже вызывало уважение у людей, поверхностно или совсем не знающих Серегу. Да и самому ему так больше нравилось, возвышалось в собственных глазах.

Нет, вы не подумайте, что Серега Петров был таким уж плохим человеком, каким-нибудь гнилым изнутри или еще что-то подобное. Он был чист, как чистый лист бумаги, над которым молодой поэт долго сидел, хмуря брови, но так ничего и не написал, ибо не явилась ему тем вечером (или ночью) муза поэзии. Такое бывает сплошь и рядом.

К тому же Сергей был неплохим боксером, что конечно, с его ненавистью к Родине не имело никакой связи. Но, к своим восемнадцати годам он уже получил кандидата в мастера спорта. И, как говорил его тренер, если бы не ленился, то мог бы уже быть чемпионом Москвы.

Но как говорят в народе: если бы, да кабы, то росли б во рту грибы. А пока Серега стоял в дверях своей квартиры и читал повестку, которую ему только что вручил под роспись курьер. Его приглашали в военкомат через три дня, имея при себе смену одежды, зубную щетку и т.д. Кто служил, тот помнит этот незабываемый момент, когда вот еще минуту назад была одна жизнь со своими планами и мечтами, а после прочтения повестки тут же наступила жизнь совсем другая, к прежней жизни имевшая отношение лишь косвенное. Всё, что до прочтения этой бумажки казалось важным и нужным, после ее прочтения потеряло всякий смысл.

«Вот и капец, вот и капец, вот и капец» – билась в голове Сереги незамысловатая мысль, полностью и совершенно адекватно выражавшая то состояние, которое его охватило. Наконец, оцепенение спало и Серега, сунув повестку в задний карман своих стареньких, купленных уже

старенькими и сменившими не одного модника, джинсов, закрыл дверь квартиры, вышел из подъезда и вместо тренировки отправился в пивную. Да и действительно, раз такое дело, то никакого смысла тренироваться больше нет. А вот пиво здесь, наоборот, очень кстати. И Сергей, думая эту мысль, сдвинулся с места, одновременно нащупывая в кармане мятую десятку, которую планировал истратить совсем иначе. Но все планы, как и было сказано, полетели в тартарары из-за какой маленькой казенной бумажки.

В двух кварталах от его дома, в пыльном скверике, воняющем застарелой мочой (поскольку туалетов поблизости не было) и тухлой селедкой стоял пивной ларек и несколько столиков. Все они уже были заняты жаждущими утренними пьяницами с красными глазами и помятыми лицами. А кому не хватило места за столиками, располагались на ближайшей травке газонов, что было даже удобнее – всегда можно тут же и прикорнуть.

Сергея, отстояв очередь, взял две пол-литровые кружки из толстого стекла, два бутерброда с вонючей селедкой и, оглянувшись, побрел к ближайшему незанятому клочку жухлой городской травы. Но только он успел сделать пару глотков, прощальным взором окидывая милые сердцу пейзажи, как к его «полянке» подошел какой-то мужик интеллигентной внешности, но тоже с двумя кружками в руках, а еще с портфелем.

– Позволишь присоединиться?

– Садись, место не купленное, – буркнул Серега, которому так и так надо было излить кому-то свое горе, а пацаны сейчас кто на работе, кто учится.

– Выбрось ты эту гадость тухлую, – усаживаясь, кивнул на серегины бутерброды мужик, – у меня, гляди, что есть!

И достает из портфеля завернутый в несколько газет сверток, источающий аппетитные ароматы.

– Знакомый вчера из Владивостока привез – настоящий осетр! Ел когда-нибудь такое чудо?

– Не-а, – мотнул головой Серега, пуская слюну на красивую рыбу с розовым нутром.

– Угощайся! – сделал широкий жест незнакомец, – меня, кстати, Володей зовут.

– Сергей, – коротко отрекомендовался Петров, отрываясь от кружки.

– Ну, что, Серега, давай за знакомство? – предложил Володя, доставая из того же портфеля бутылку дорогой водки «Посольская», по шесть рублей двадцать копеек за пол-литра.

– Да это просто праздник какой-то! – с энтузиазмом воскликнул Серега, который не только осетрины но и водки «Посольская» до сего дня не пробовал. «Вот они, атрибуты красивой жизни!» – мелькнула у него шальная мысль.

– А то! – поддержал его новый друг Володя, разливая водку прямо в кружки с пивом, – как говорится: водка без пива – деньги на ветер!

И оба весело и довольно расхохотались.

\* \* \*

*Спустя полчаса там же.*

– Понимаешь, Володя, – пьяно втолковывал Серега, – я же ненавижу эту страну, а они меня ее защищать заставляют!

– Вот, гады! – так же пьяно поддакивал Володя, посматривая на Володю, к слову говоря, совершенно трезвым взглядом. Но Володя, охваченный праведным гневом, подогретым «Посольской» с пивом, ничего уже вокруг не замечал.

Здесь, думаю, надо сделать короткое отступление для тех, кто не застал тех «страшных» советских времен и знает о них лишь понаслышке. Ничего не могу сказать о годах правления Сталина или Хрущёва, ибо в силу возраста, первого просто не застал, а правление второго застал, но в годах совершенно младенческих. Но вот в семидесятых – восьмидесятых

годах, прозванных, соответственно «годами застоя» и «годами Перестройки», никто никого не хватал на улицах за анекдоты о советских руководителях или за то, что ты ругал советскую власть. Распустился народец в то время, ничего не боялся. Более того, признаваться в своей нелюбви к социалистической родине считалось чуть ли хорошим тоном. Ну, неофициально конечно. Официально по-прежнему реяли алые флаги и со стен домов взирали на плоды развитого социализма, а потом и «социализма с человеческим лицом» строгие лики Маркса, Энгельса и Ленина в ряд, звучали речи с трибун и на груди пионеров в тон алым флагам реяли красные галстуки.

Потому, думаю, СССР и развалился. Ибо, трудные времена – трудными временами, дефицит – дефицитом, но были в истории СССР времена и потруднее и дефицит подефицитнее, и ничего – страна не разваливалась. Я что хочу этим сказать? – Да только то, что не было в то время, весной 1986 года в этих серегиных признаниях совершенно ничего страшного. Ничто ему за них не грозило ни от милиции, ни от КГБ – ни от кого вообще. Ну, если, конечно, он с такими лозунгами не решился бы пойти на Красную площадь. Да даже и тогда вполне могло бы прокатить без последствий.

А потому и неожиданный собеседник Сереги не усмотрел в его словах ничего крамольного. Но, хлопнув его по плечу, вдруг заявил:

– Слушай, Серега, дружище, а зачем тебе идти на срочную службу? Ушлют куда-нибудь в Тюратан<sup>17</sup> и будешь там два года жариться, девчонок только во сне видя.

– А чего делать-то? – развел руками Серега и пьяная слеза скатилась по его щеке при мысли об отсутствующих в степях Тюратана девчонках.

– А хочешь, я тебе помогу? – подмигнул Володя, – У меня военком в родне числится. Мой тебе совет – заключай лучше контракт, а я тебе помогу остаться в Москве служить. Зачем тебе Тюратан?

– Не нужен мне никакой Тюратан, – пьяно замотал головой Серега. А случайный собутыльник продолжал:

– И рядом с домом будешь, и деньги неплохие заработаешь, да еще и льготы после службы. Практически в любой институт без экзаменов примут! А девчонки вообще штабелями вокруг тебя в обморок будут падать.

– Это почему еще? – не поверил Серега насчет падающих в обморок при виде его девчонок.

– Да как почему!? – почти закричал Володя, – ты же и так красавец, а тут – форма зачётная, мускулы – во! А из всех карманов деньги торчат! Кто ж перед тобой устоит?

– Так-то оно так, – все же засомневался Серега, – но ведь служить не два, а целых три с половиной года!

– Да фигня это! – убеждал собутыльник, – я тебя в элиту армии устрою! Девчонки от одной формы визжать будут от восторга!

– Это куда? – почесал затылок Серега, – в десантуру, что ли?

– Бери выше – спецназ КГБ! Будешь потом, кого хочешь голыми руками рвать, там таким приемчикам учат, которые для всех остальных – совершенно секретные, понял?

Серега задумался. С одной стороны, было заманчиво. С другой стороны, КГБ – оплот ненавистного режима!

– Не, не могу, – замотал он головой, – понимаешь, они моего прадеда раскулачили! Не могу, принципами поступиться!

– И не надо поступаться! – убеждал Володя, – ты пойми, что ты там все секреты врага раззнаешь, а когда придет час освободить страну, ты будешь тем, кто поможет это сделать.

---

<sup>17</sup> Железнодорожная станция в Кызыл-Ордынской области Казахстана, там находится космодром Байконур.

– Да, точно! Ты молодец! Я бы сам и не догадался, – пьяно восхищался Серега хитростью собутыльника.

А то настаивал, пользуясь моментом:

– Хочешь, прямо сейчас всё устроим?

– А можешь?

– Мамой клянусь!

– А, поехали!

– Поехали!

\* \* \*

Утром Серегу разбудил какой-то серьезный мужик в форме с погонами. В званиях Серега тогда еще не разобрался.

– Чё надо? – вскинулся Серега, – где я?

– Ну, ты даешь, парень, – усмехнулся помощник военкома капитан Лыков, – пить надо меньше. Хотя, последний раз можно, – подмигнул он.

– Как в последний? Почему? – не мог спросонья и с похмелья сообразить Серега.

– А потому что ты теперь военнослужащий – контрактник войск госбезопасности СССР!

– Какой еще контрактник? – ужаснулся Серега.

– Самый настоящий, более того – элитный! Ладно, некогда разлёживаться, скоро «покупатель» за тобой приедет. Пошли, надо уточнить кое-что, – похлопал его по плечу военный, – потом с родителями поговоришь, они тебя на улице ждут, вещи привезли.

Ошалелый, ничего не понимающий Серега, пошел за офицером. Пройдя по коридору и поднявшись на второй этаж, они зашли в небольшой кабинет, скупо обставленный казенной мебелью.

– Садись, – указал ему капитан на стул возле стола, сам усаживаясь с другой его стороны.

Серега сел на стул, крутя головой вокруг и морщась от боли – голова болела, соображал он плохо, понимал еще меньше.

– Так, Петров, – заговорил мужик в форме официальным тоном, – ты вчера говорил, что спортсмен, это точно?

– Кандидат в мастера спорта по боксу, – все еще недоумевая, ответил Серега.

– Это очень хорошо. Это нам поможет учесть твоё пожелание.

– Какое пожелание?

– Да, пить тебе, Петров, надо завязывать. Хотя, что я говорю, ты же у нас, считай, уже завязал – в армии с этим строго, особенно в спецназе КГБ.

И капитан протянул Сереге лист бумаги, на котором его собственным почерком было написано: «Прошу записать меня в спецназ КГБ». Охренеть!

– А, – Серега закашлялся и, отчего-то смутившись, робко попросил, – можно взглянуть на контракт?

Капитан не стал вредничать, дело юридическое, и молча протянул ему другую бумагу. Серега начал читать печатный текст: «Я, Петров Сергей Викторович, 1968 года рождения, добровольно заключаю настоящий контракт...». Серега пробежал глазами вниз и увидел свою собственную подпись. В глазах потемнело.

– Воды будешь? – деловито спросил Лыков, видя его состояние.

– Буду, – Серега ухватился за стакан с водой, налитой из графина, и в несколько глотков осушил его. По телу разлилась спасительная влага.

– А можно еще?

– Можно, можно, сегодня тебе всё можно, – хохотнул зам. военкома, наливая второй стакан. Его Серега тоже выпил, но уже с несколько меньшей жадностью.

– Ладно, Петров, ты иди пока, с родителями попросишься, но помни – у тебя есть полчаса. Потом должен приехать за тобой покупатель из части.

И Серега вышел из кабинета. А дальше... А что дальше? Мама ревела и обнимала. Отец ободряюще хлопал по плечу Сереге и успокаивал мать. Бутылка пива, пронесенная им тайком от матери, прочистила Сереге мозги, и он стал вспоминать вчерашний день, странного Володю и то, как они, вроде бы, собрались ехать в военкомат, к его знакомому. Значит, съездили.

С тоской Серега посмотрел в чистое небо над головой, прищурился на солнышко и, слегка ободренный пивом, сказал матери:

– Ты не волнуйся, ма, говорят, я в Москве служить буду. На увольнительные, значит, дома.

– Правда, сынок, это точно? – обрадовалась мать, не веря в свое счастье.

– Вроде бы так обещали, – вновь нахмурился Серега, тяжело припоминая их вчерашний разговор.

Оказалось – точно. Не в самой Москве, но в самом ближайшем Подмосковье.

\* \* \*

Старшина Владимир Васильев издали смотрел, как прощается с родителями его новый сослуживец. Смотрел не просто так, а оценивающе. За годы войны, афганского плена и потом, за время обучения в ЦСН КГБ, где их учили, в том числе, и разным психологическим приемам, в частности – созданию психологического портрета человека по различным признакам, он научился неплохо разбираться в людях.

Этот новичок, судя по фигуре и специфической пластике движений, явно со спортом дружит. Да и в деле написано – камээс по боксу. Это хорошо. Значит, нагрузки, которые свалятся на него в первое время, переносить будет легче. Все же, кандидат в мастера спорта должен быть привычен к длительным и постоянным изнуряющим тренировкам, иначе камээса просто не получить. А в остальном – дурь выьем. А дури в нем, похоже, много – это тоже сразу читается. Но, как говорят в армии: не можешь – научим, не хочешь – заставим. А как иначе? Он и сам был когда-то таким же салагой с сильным самомнением. Потом в учебке из него это быстро выбили сержанты-инструкторы, а уж война отшлифовала до блеска.

Конечно, видна какая-то гнильца в этом Петрове, но, с другой стороны, это же москвич! А москвичи, как это известно всем остальным людям, народ гнилой по определению. Они, конечно, с таким определением не согласятся, но со стороны виднее. С другой стороны, много ли тех москвичей осталось, Москву давно заполонила лимита<sup>18</sup>. Старшина усмехнулся своим мыслям и решительно подошел к скорбящей троице.

– Здравия желаю! – откозырял Васильев, поднеся ладонь к васильковому берету, – я старшина Васильев. Прошу заканчивать прощание, машина ждет. Надо ехать, нас ждут в части.

– Ой, а скажите, пожалуйста, – кинулась к нему мать призывника с мокрыми глазами, – куда нашего мальчика отправят?

– Да не беспокойтесь вы, – улыбнулся старшина, – здесь он будет, совсем рядом с Москвой. Поскольку он контрактник, а не призывник срочной службы, то на время учебки, то есть – первые полгода, ему будет предоставляться одна увольнительная в месяц, когда он сможет приезжать домой. А после прохождения учебки, вообще каждые выходные, а то и чаще, если не будет в наряде, сможет дома бывать.

---

<sup>18</sup> Лимит прописки – форма привлечения неквалифицированной рабочей силы (в том числе организационный набор) на промышленные предприятия в крупных городах в СССР в 1950-80-х годах. «Лимитá» (или «лимитчики») – общее название (зачастую пренебрежительное) людей, которые заключили контракт с предприятием по такому «лимиту прописки».

– Ну, вот видишь, мать, не все так страшно, скоро Серега приедет домой! – обрадовался отец. А мать вообще смотрела на старшину Васильева как на благодетеля.

Но, родители родителями, им положено за детей переживать, а служба службой. Наконец, настало время и новоиспеченный рядовой контрактной службы и будущий спецназовец элитных войск, подхватив рюкзак с вещами и вырвавшись из цепких материнских объятий, пошел вслед за старшиной Васильевым к воротам военкомата. Там их ждал военный ГАЗ-69.

\* \* \*

Прошло два месяца, и рядовой спецназа КГБ Сергей Петров возвращался уже из второй своей увольнительной. Он возвращался, а все существо его было против этого возвращения. Если бы он заранее знал, какие чудовищные нагрузки обрушатся на него, он ни за что в жизни не согласился бы ни на какой контракт, а уж тем более со спецназом КГБ. Умом он понимал, что, в конце концов, из него сделают крутого парня, но тело просто умоляло о пощаде. И это при том, что он как боксер должен был привыкнуть к тренировкам. Может, ему и правда было намного легче, чем кому-то другому, к спорту отношения не имевшему. Но таких людей в спецназ не берут. Все, с кем он там сталкивался, имели степени кандидатов и мастеров спорта, некоторые – международного класса.

Иногда Сереге хотелось просто сбежать куда глаза глядят, вырваться на свободу, спрятаться где-то подальше, но куда ты денешься из подводной лодки, каковой, по сути, является Союз? И это подогревало его ненависть к своей стране еще больше. Он смотрел в темное окно мчащегося поезда метрополитена и тихо кипел на огне собственного возмущения, не имея возможности дать выход накопившейся негативной энергии. Очередная станция, но он даже не взглянул на людей, ему все сейчас были противны. Они разъедутся по своим домам и завалятся на диваны перед телевизором, а он обязан их всех защищать – этих идиотов? Ведь, после обучения, неизвестно куда его пошлют. Возможно, это будет билет в один конец. В части часто намекают на возможные боевые командировки, да и среди бойцов слухи разные ходят. Не зря же на груди некоторых его сослуживцев блестят боевые ордена.

От орденов Серега бы не отказался – они бы круто смотрелись на его груди, но вот цену за их получение заплатить был совершенно не готов. Не физически, физически его натаскали и еще натаскают, – морально.

И в этот момент кто-то хлопнул его по плечу:

– Здорово, Серега!

Серега поднял голову и сразу же узнал его. Это был тот самый Володя, случайный собутыльник, который и сосватал его на контракт в спецназ. Если бы не люди вокруг, Серега тут же впился бы ему в шею и задушил собственными руками. Может быть...

А пока Серега лишь молча смотрел в глаза своего неожиданного знакомца и, видимо, в них отражалась такая ненависть, что тот даже поежился. Но тут же улыбнулся и холодным властным голосом спросил:

– Что, щенок, смотрю, желаешь попробовать огрызнуться? Это хорошо. Сейчас выходишь со мной на следующей станции, есть разговор.

– Перебьешься, старый козел! Пошел вообще на х.. отсюда, пока я тебя не прибил, – прошипел Серега. Тот лишь улыбнулся. Но вот улыбка эта была такой хищной, что на этот раз передернуло Серегу, ему словно холодным и очень острым лезвием ножа провели вдоль спины.

А потому, когда двери вагона открылись, он послушно, как баран за хозяином, вышел вслед за Володей. Тот спокойно прошел к ближайшей свободной лавочке, сел и поднял глаза на Володю. И глаза эти были черные. Совершенно черные – без зрачков. И это было так жутко, что Серега похолодел.

– Садись, говнюк, и слушай.

Сергея послушно и быстро опустился на самый краешек сиденья, совершенно забыв о том, что он камээс по боксу и почти уже крутой спецназовец. Он как-то сразу понял, что физической силой здесь ничего не сделаешь, этот гад может убить его одним мизинцем.

Незнакомец, скрывавшийся под личиной собутыльника Володи, прикрыл глаза, а когда открыл их вновь, это были совершенно обычные человеческие глаза. Злые, но все же – человеческие. Серега с хлипом вдохнул воздух. Оказывается, он все это время не дышал и даже не замечал этого. Тот, которого он знал как Володю, по-волчьи добродушно улыбнулся и хлопнул Серегу по плечу:

– Да не бойся ты, в самом-то деле, сядь нормально. Всё хорошо, мы же друзья, я на твоей стороне, верь мне!

В этом Серега был уже совершенно не уверен, но на всякий случай тоже улыбнулся в ответ жалкой улыбкой.

– Ну что, Сергей, – начал Володя, – все еще желаешь коммунякам отомстить за предков поруганных да раскулаченных?

– Мечтаю, – как-то тихо и скромно отозвался Серега, на самом деле мечтая сейчас только об одном – оказаться подальше от этого мужика, пусть даже в части, на тренировке, в бою – где угодно, только подальше отсюда.

– Сбылась твоя мечта, – подмигнул неожиданный друг, – есть средство!

– Средство? – переспросил Серега, изо всех сил пытаясь изобразить интерес.

– Наинадежнейшее! – уверил Володя, – не сомневайся.

Рядовой Петров уже понял, что из этих лап ему не вырваться, а потому обреченно спросил:

– А что делать-то надо?

– Слушай и запоминай! Знаешь уже, наверное, личную охрану Путина, они же у вас тренируются?

– Ну!

– Что «ну»? Не запряг еще! Знаешь или нет?

– Ну, знаю.

– Будешь теперь собирать их волосы.

– Чего?! – вылупил от неожиданности глаза Серега.

– Чего слышал. Надо достать хотя бы по одному волоску от каждого.

– Зачем?

– Чего ты боишься-то? Я что, убивать их посылаю? – хлопнул его по плечу Володя.

– Да как я эти волоски у них возьму, подойти и выдрать что ли?

– Глупый ты еще, молодой. Хоть и здоровый как кабан, но такой же дурной. В постели их посмотри, в тумбочке на расческе, в умывальнике, в парикмахерской, наконец! У вас же там своя парикмахерская?

– Ну, да, своя.

– Вот видишь, волосок подобрать – дело плёвое, никто и не заметит. Уронил монетку, будто случайно, наклонился подобрать – и волосок прихватил. Волосок-то кто увидит? В тряпочку завернул и мне в следующее увольнение принес. Всего и делов-то!

– А на что они тебе? – удивился Серега.

– Всё узнаешь в свое время. Сейчас скажу лишь, что это для нашего общего блага – свержения коммунизма, понял?

– Да как его волосками-то свергнешь?

– А это уже моя забота. Главное, ты с деньгами всегда будешь!

– С деньгами? – наострил Серега уши. Только после упоминания о деньгах разговор, наконец, обрел для него некий смысл. Деньги Серега любил искренне, хотя и безответно.

– А ты прикинь, я тебе за каждый волосок заплачу пятьсот рублей. Но только без обмана, волоски должны быть аутентичные.

– Авто... какие?

– Короче, настоящие они должны быть, от тех самых людей. Будут любые другие – не получишь ничего. И учти, я это определю сразу, не вздумай обмануть. Понял?

– Да понял я, что тут понимать?

– Вот и договорились. Телефон мой запиши.

Сергея достал блокнот и записал продиктованные цифры.

– Как дело сделаешь, хоть один волосок достанешь, не важно, которого из них, тут же звони.

– Ладно.

– Ну, тогда все. До встречи!

И Володя, встав, направился в сторону эскалатора, крестясь про себя, хотя ни в какого бога не верил.

\* \* \*

Дело и правда, оказалось несложное. И, главное, все совершенно случайно получилось. Шел Серега мимо парикмахерской и видит, как четверо из его клиентов заходят туда. Ну и он зашел, занял за ними очередь. А парикмахер сегодня был один, вот он и припахал «молодого», чтобы зря не сидел, волосы за стриженными подметать. Как раз все четверо перед ним и подстриглись. Он для надежности не по волоску, а по целой щепотке волос от каждого прихватил. Потом оказалось, что случайно подвернулись ему младший сержант Николай Шевченко, сержант Игорь Васьков, сержант Николай Саминь и сержант Александр Зверкович.

Остальное было просто, перед увольнительной позвонил Володе, встретился с ним на той же станции метро, передал ему пакетик с волосами, взамен получил целых две тысячи рублей! Огромная сумма по тем временам за совершенно пустяковую работу. Он радовался этим деньгам как ребенок, каковым, в сущности, еще и был. Его, если честно, аж пот пробил, когда он такие деньжищи в руки взял, тут же почувствовав себя хозяином жизни и взглянув на окружающий мир по-новому – свысока.

А потом эти парни вдруг стали умирать один за другим. Это было ЧП, все суетились, шептались в курилках, но никто толком ничего не знал. Знакомый санинструктор сказал, что все умерли от рака. И здесь Серега испугался по-настоящему. Испугался так, как, наверное, никогда в жизни не боялся. Если этот Володя по волоску может наслать на человека смертельную болезнь, то кто он такой? Серега вспомнил его страшные, черные – без зрачков глаза и затрясся от ужаса. Но вместе с ужасом пробивалось и другое, пока еще робкое чувство – чувство пьянящего восторга от прикосновения к настоящей тайне, к настоящему могуществу.

Еще он понял, что на крючке у этого Володи, потому что вдруг перед его мысленным взором встала картина: он, пьяный что-то кричит, руками машет. А Володя его успокаивает, смеется, похлопывает по плечу, треплет по волосам, а потом, что-то убирает в коробок из-под спичек. Володя сидел с раскрытым ртом, осознавая это воспоминание, вдруг на него нахлынувшее. И перед его закрытыми глазами в этом момент всплыло лицо Володи с черными, как смоль глазами и губы его прошептали: «Это хорошо, парень, что ты об этом вспомнил. Ты мой теперь до самой смерти, попытаешься кому-то вякнуть о наших делах, умрешь в тот же день. Ищи волосы остальных и я сделаю тебя таким богатым, что и счет своим деньгам потеряешь. И вот еще что. У вас Путин бывает часто. За его волос получишь сразу десять тысяч. Давай, старайся. И помни – твоя жизнь в моей руке!» – и видение помахало перед Сереговыми глазами спичечным коробком, в котором, он теперь точно это знал, лежат его собственные волосы.

Сергеа сидел на лавочке – ни жив, ни мертв, и пот покрывал все его тело, каплями стекая по лицу и по спине.

## Глава VII

Николай Вениаминович Немирович сегодня с раннего утра просматривал все, что смогли собрать его сотрудники и пытался как-то все это систематизировать. И ничего, то есть – вообще ничего не мог найти такого, за что можно было бы зацепиться в расследовании. Вся жизнь четырех убитых ребят после их возвращения из плена была как на ладони – чиста и прозрачна. И если бы не приказ Путина и уверения Соколова, он бы уже бросил это дело, настолько все было очевидно. Написал бы отчет, в котором отрапортовал бы о том, что смерть всех четверых наступила от естественных причин и сомневаться в этом нет никаких оснований.

Пожалуй, решил Немирович, следует встретиться с Соколовым еще раз и прояснить некоторые непонятные моменты. Он набрал служебный номер его телефона. Трубку сняли так, как будто ждали звонка, сидя у телефона.

– Старший лейтенант Соколов у телефона.

– Здравствуйте, Егор Николаевич! Это Немирович вас беспокоит.

– Николай Вениаминович, рад вас слышать!

– Э-э-э, взаимно! Егор Николаевич, мне бы поговорить с вами. Если вы не слишком заняты, я мог бы подъехать к вам в ЦСН.

– Рад буду вас видеть. Приезжайте, пропуск для вас будет на КПП.

Положив трубку, Николай еще раз, на всякий случай, внимательно перечитал все отчеты (вдруг, что пропустил!) и, собрав их в папку, закрыл в сейф, а сейф опечатал своей печатью. Потом еще раз поднял трубку и вызвал машину.

Пока ехали, он все думал об этом деле. Прикидывал так и этак. И ничего все равно не получалось. Ну, кроме, понятно, сверхъестественных версий. Поскольку, если в деле замешаны силы сверхъестественные, то это уже не входит в его компетенцию. Именно это он и хотел прояснить у Соколова.

Тот встретил его радушно, как хорошего знакомого. Сразу повел в столовую, потому что пообедать Немирович, конечно, забыл. И вот там, в почти пустом зале столовой ЦСН, за отдельным столиком и состоялся их разговор. Николай выложил Соколову все, что они смогли накопать. Вернее, не так. Он выложил ему все, что они сделали за это время. Поскольку не накопили они ничего, что могло бы хоть на миллиметр приблизить их расследование к успешному завершению.

Егор Николаевич внимательно все выслушал и надолго задумался. Минут десять они молча ели, как будто и встретились здесь именно для этого. Наконец, когда дело дошло до чая, старший лейтенант заговорил.

– Понимаете, уважаемый Николай Вениаминович, то, что дело здесь явно пахнет чертовщиной, я понял сразу. То есть, это было ясно изначально. Я не знаю, что там было – насыщение порчи или еще что-то в этом или другом, подобном роде. Я ведь тоже не разбираюсь в этих вопросах. Но в любом случае, будь это яд, колдовство или что-то другое, обязательно должен быть исполнитель. И исполнитель этот должен быть вполне материальной личностью. А у исполнителя, скорее всего, должен быть помощник, который, опять-таки, скорее всего, находится где-то здесь у нас, в ЦСН. И мне кажется, что, если вы найдете помощника, то мы выйдем и на исполнителя. Кем бы он ни был. Даже на черта, я надеюсь, управа у нас найдется.

Соколов подмигнул и рассмеялся, как бы подчеркивая несерьезность сказанного им. Но глаза его при этом оставались совершенно серьезными.

– Но как, Егор Николаевич, найти этого помощника? Он чем-то должен выделяться? Делать что-то такое, что не делают другие? Может, у него родимое пятно на лбу должно быть? – не выдержал Немирович.

Но Соколов, погруженный в свои думы, как кажется, сарказма даже не заметил. Он жестко посмотрел прямо в глаза Немировичу и сказал:

– Вот для этого вы и нужны нам. Это вы гениальный сыщик, а не я. У меня нет ни знаний ваших, ни опыта. Одно я вам могу сказать, кем бы ни был тот или те, кого мы ищем, они люди. А коли так, то вы их обязательно найдете. Я в вас верю. Да, возможно, это самое сложное дело из всех, которыми вы до этого занимались. Но разве это не вызов вам, вашему профессионализму, вашему опыту?

Он помолчал и, продолжая смотреть прямо в глаза Немировичу, вдруг спросил:

– Скажите, Николай Вениаминович, кто эта женщина, с которой вы с недавнего времени живете? Откуда взялась эта Варвара?

– Это вас не касается! – возмутился Николай.

– А вот здесь вы не правы. Подумайте сами, вы же известный логик, сложите два и два. Она появляется как раз в тот момент, когда вам поручили расследование. Вы наткнулись на нее, когда вдруг решили выйти прогуляться, вместо того, чтобы пообедать в столовой Следственного комитета КГБ. Очень неплохой столовой, скажу я вам. Да вы и сами знаете. Уж всяко лучше той кафешки, в которую вы собрались пойти, но так и не дошли. Никогда не ходили до этого, ведомственная столовая вас всем устраивала, а тут вдруг пошли. Да и происшествие какое-то непонятное с этим хулиганом, якобы посягавшим на честь вашей знакомой. Ваш охранник его догнал, доставил куда надо. Но вот беда – он ничего не помнит. Вообще. Я лично проверил – в его памяти пустота на последний час перед задержанием, словно кто-то аккуратно изъясил кусок воспоминаний. Что было до этого – он помнит, как на кого-то напал, как убежал – ничего не помнит. Понятия не имеет и никогда в жизни, по его клятвенным заверениям, не видел вашей Варвары. Обращаю ваше особое внимание – он не врет, поверьте мне, я это точно знаю. Вот всё это в совокупности не кажется вам странным? А эта ваша внезапная любовь с первого взгляда в случайно встреченную женщину, которую вы первый раз в жизни видите и по сути, ничего о ней не знаете, тоже не кажется вам странной? Подумайте, разве это характерно для вас? У вас никогда склонности к быстрой влюбленности не замечалось и тут сразу – бац!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.